

Б
О
Н
Д
А
Р
Е
Н
К
О

А
Н
Д
Р
Е
Й

Купчино,
бастарды с севера

Купчино

Андрей Бондаренко

Купчино, бастарды с севера

«Автор»

2012

Бондаренко А.

Купчино, бастарды с севера / А. Бондаренко — «Автор»,
2012 — (Купчино)

Санкт-Петербург, мой любимый город. Купчино, мой любимый район. Реальные люди. Реальные события. Вы, уважаемые читатели, вправе не поверить, но всё, описанное ниже, произошло на самом деле. Ну, или почти всё. Процентом, скажем, на сорок пять. Что, согласитесь – по нашим непростым и мутным временам – совсем и ни мало. А конечная подоплёка этой запутанной истории прояснится только в Эпиллоге. Там же будут озвучено, как и полагается, имя Главного злодея...

© Бондаренко А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

От автора	5
Миттельшпиль – середина Игры	6
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	24
Глава четвёртая	29
Глава пятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Бондаренко

Купчино, бастарды с севера

От автора

Санкт-Петербург, мой любимый город. Купчино, мой любимый район. Реальные люди. Реальные события.

Вы, уважаемые читатели, вправе не поверить, но всё, описанное ниже, произошло на самом деле. Ну, или почти всё. Процентом, скажем, на сорок пять. Что, согласитесь – по нашим непростым и мутным временам – совсем и ни мало.

А конечная подоплёка этой запутанной истории прояснится только в Эпилоге. Там же будут озвучено, как и полагается, имя Главного злодея...

Автор

Миттельшпиль – середина Игры

Ночь. Морозная, ветреная, снежная. Полнолуние. Аптека, улица, фонарь...

– Фонарь какой-то тусклый, – остановившись, неодобрительно пробормотал мужчина. – Надо будет сделать выволочку чиновникам, отвечающим за уличное освещение. В том смысле, что Николаю пожаловаться. Пусть он разберётся с ленивыми и нерадивыми подчинёнными. А под аптечным козырьком мелькают сигаретные огоньки. Непорядок... Кто такие? Отвечать!

– Да, мы это, Глеб Петрович, – оповестил ломкий мальчишечий голосок. – От метели спрятались...

– Кто такие – мы?

– Иванов и Сидоров из десятого «А». Помните? Вы к нам в школу заходили на прошлой неделе. Опрашивали. Искали свидетелей по убийству на дискотеке.

– Чтобы я всех вас, обормотов и двоечников, помнил, – усмехнулся прохожий. – Уже, кстати, половина одиннадцатого. Завтра некоторым в школу – грызть гранит науки... Быстро по домам! Типа – на горшок, умылись и спать.

– Сейчас, Глеб Петрович. Через минутку...

– Не понял. Какая ещё минутка? По домам, я сказал! И вообще... Ещё раз увижу с сигаретами – ноги вырву. В том плане, что отведу к инспектору по работе с несовершеннолетними правонарушителями. То бишь, к инспекторше... Ну, долго я буду ждать?

Подростки, затушив и выбросив окурки в массивную бетонную урну (массивную – чтобы не украли), торопливо засеменили в сторону ближайшей панельной девятиэтажки. Мужчина, осуждающе покачав головой, зашагал дальше.

Когда он подошёл к перекрёстку Бухарестской и Димитрова, метель усилилась, со стороны магазина «Лента», хищно змеясь над землёй, понеслись полноценные снежные волны.

– Хрень какая-то, – поднимая воротник старенькой лётной куртки, пробормотал Глеб. – Словно не в мартовском Питере нахожусь, а на родимой февральской Чукотке. Злая такая пурга, серьёзная... А за окном пурга. А может, лишь, метель. И смятая постель – как снег – белым бела. Ответь мне. А зачем – живёшь ты без меня? Ответь мне. А зачем – я без тебя живу?

– А, помогите! – донеслось сквозь мутную снежную пелену. – Оно опять появилось... Помогите!

Через перекрёсток – наискосок, со стороны пруда, огороженного высоким строительным забором – неуклюже бежал низенький мужчина, облачённый в тяжёлый овчинный тулуп.

– Ко мне! – велел Глеб. – Кто таков?

– Дык, сторож я тутощный, товарищ милиционер. То есть, господин полицейский. Я вас сразу узнал. То есть, в лицо, – прикрываясь рукой в вязаной варежке от снежных зарядов, испуганно заचाстил пожилой бородач. – Стройку я охраняю. Официально оформлен, по договору подряда. Не сомневайтесь...

– И что же там случилось-приключилось? Кто тебя, бравого, так напугал?

– Оно, Привидение. Или же высоченный Призрак в белом балахоне? Не знаю. Врать не буду... Как выскочит из-за забора. Как заорёт на меня, мол: – «Пшёл вон отсюда!».

– А ты?

– Я и пошёл. То есть, побежал со всех ног. Не посмел послушаться. Чуть, грешным делом, не обмочился...

– Понятное дело, – взбодрился Глеб. – Мобильник-то есть?

– Конечно. Как и полагается по служебному статусу.

– Тогда звони. Вызывай подмогу.

– В милицию звонить? – шмыгнув носом, уточнил бородач. – То есть, в полицию?

– Не стоит отвлекать служивых от серьёзных и важных дел. Своих побеспокой, строительных. Их же объект. Вот, пусть и подсуеются. Стой здесь и звони.

– А вы?

– Пойду, посмотрю на хвалёное Привидение. Если повезёт, то и познакомлюсь. Давно пора...

Дисциплинированно дождавшись зелёного сигнала светофора, подполковник перешёл через Бухарестскую. Постоял, пропуская редкие машины, пересёк улицу имени пламенного болгарского коммуниста Григория Димитрова. Двинулся вдоль тёмно-синего забора из алюминиевого профиля.

Примерно через сто пятьдесят метров в заборе обнаружилась распахнутая настежь узкая калитка.

– Трусливый сторож, убегая, не удосужился прикрыть, – прокомментировал Глеб. – Бывает, чего уж там...

Метель неожиданно прекратилась. Ветер стих. Вокруг установилась тревожная и вязкая тишина.

Сложив ладони рупором, направленным в калиточный проём, он прокричал строгим «полицейским» голосом:

– Эй, там, мать вашу! Поднимаем руки и выходим! Ну, кому сказано, дурилки картонные? И без глупых шуток, пожалуйста! В случае активного сопротивления – стреляю на поражение!

– Из чего стрелять собрался, господин подполковник? – насмешливо поинтересовался глухой, слегка надменный голос. – Пистолетик-то у тебя есть?

– Имеется, – соврал Глеб. – Уже и с предохранителя снял.

– Ха-ха-ха! – глумливо рассмеялся неизвестный. – Всему Купчино известно, что выходя на вечерний променад, ты, чудак легавый, никогда не берёшь ствола с собой. Мол, привычка такая... А я, наоборот, без пестика – ни шагу. Железобетонное и краеугольное правило. Хочешь проверить, подполковник? Заходи, не заперто, не стесняйся. Милости просим!

Глеб Назаров, будучи мужчиной взрослым и основательным, не любил торопиться. Поэтому, сугубо для начала, он выкурил – почти до самого фильтра – дежурную сигарету, выбросил окурочек в ближайший светло-сиреневый сугроб, после чего, особо не мандражируя, прошёл на территорию строительной площадки.

Снег, горбатые кочки сугробов, берег замёрзшего пруда, стандартный строительный вагончик, полное безлюдье.

В вагончике тоже никого не обнаружилось.

– Ерунда какая-то, – попытожил Глеб. – Так можно и в Привидения поверить. Мол, пришло, попугало вволю, а потом, слегка заскучав и замёрзнув, растаяло в воздухе. Ладно, проехали.

А на утро строители нашли в высоком сугробе отрезанную человеческую голову. И скандал, вроде уже затухающий, разгорелся с новой силой...

Глава первая

Пашкина свадьба

Первая декада января месяца. Санкт-Петербург. Купчино. Пивной ресторан – «Два капитана». Зимний вечер. Ярκο-малиновый тревожный закат. Лёгкий скрипучий морозец. Метель. А может, лишь шальная пурга, искусно переплетённая с ленивой порошей...

Майор российской полиции Пашка Сомов женился на Александре Фроловой, корреспондентке газеты – «Новейшие новости». Этого события ждали уже давно. Года два-три, никак не меньше.

Купчино – с самого раннего утра – стояло на ушах.

В хорошем смысле стояло, ясен пень. Цены во всех магазинах – без единого исключения – были снижены процентов на десять-пятнадцать. «Овощные» азеры тщательно побрили, начистили до зеркального блеска модельные итальянские ботинки, и надели праздничные кепки. Даже уважаемый вор в законе по кличке – «Сяма» выгнал из района – на целую неделю – всех своих отпетых гвардейцев, промышлявших карманными и квартирными кражами.

Говорят, что и сама Валентина Ивановна Матвиенко, Губернаторша славного Санкт-Петербурга, настраивалась лично посетить данное знаковое мероприятие. Но узнав, что на банкете будет присутствовать чета Хрусталёвых, тут же передумала. Мол, себе дороже. В том смысле, что Ирка Хрусталёва – та ещё особа. В далёкой комсомольской юности всякие и разные номера откалывала. Плавали – знаем.

К примеру. Приезжает комсомольский городской штаб Ленинграда с плановой проверкой в конкретный район Новгородской области, где ленинградские студенты и студентки усердно собирают картошку. Солидные все такие проверяющие из себя. Каждому и каждой уже за тридцать, но комсомольские значки по-прежнему висят на лацканах чёрных и тёмно-синих пиджаков. Понятное дело, что таким серьёзным дядям и тётям не до всякой ерунды. Засветились, речи горячие толкнули, поругали в меру, пообещали улучшить кормёжку и прочие социально-бытовые условия... А, дальше? Типа – вечером? Водки, понятное дело, надо попить. Покушать разных деревенских вкусностей. В жаркую баньку сходить. Пупками – от души – потереться... И, что вы думаете? Только в баньку завалились, выпили, закусили, разделись, развратничать начали – как входная дверь широко распахивается, фотоаппарат бодро и звонко щёлкает. Это Иришка (тогда ещё Павлова), первокурсница Ленинградского Горного Института, правду ищет. Писюшка упрямая, настойчивая и принципиальная.

Короче говоря, на свадьбе лишних людей не было...

За отдельным ресторанным столиком сидели-размещались супруги Хрусталёвы, Сидоровы и одинокий генерал-лейтенант Тургаев – с недавних пор – горький вдовец.

Сидели, выпивали, закусывали. Болтали о всякой разности – о литературе, балете, погоде, театре и рыбной ловле. Вернее, вследствие навязчивого свадебного шума, только пытались болтать.

Свадьба – тем временем – шла своим чередом, постепенно набирая разгульные обороты. Хмельные гости – через каждые семь-восемь минут – надоедливо и противно орали:

– Горько! Горько! Горько! – после чего начинали дружно отсчитывать: – Раз! Два! Три... Двадцать семь! Двадцать восемь! Двадцать девять! Тридцать...

В редкий период относительной тишины Тургаев поинтересовался у Хрусталёва:

– А какие у тебя, бродяга, литературные планы?

– Никаких, – ответила за Сергея Ирина. – Покончил он с этим подлым и неблагодарным делом. Раз и навсегда. На работу устроился. С завтрашнего дня будет трудиться здесь,

в «Капитанах». На высокой и ответственной должности: – «Заместитель Генерального директора по маркетингу, пиару и общим вопросам». Новые пивные рестораны будет открывать. Сугубо тематические. «Два лейтенанта». «Два майора». «Два подполковника». «Два полковника». «Два генерала». Ну, и так далее. Блин горелый.

– Молодец, конечно. Одобряю, – почему-то загрустил генерал-лейтенант. – Правильное решение. Выстраданное такое и вдумчивое... Российская литература? Ну, её в баню турецкую. Как и сельское хозяйство, и фундаментальную науку, и самолётостроение, и геологию. Нынче мы – всей могучей страной – капитализмом всерьёз занимаемся. Не до пошлых и сентиментальных глупостей... Эй, молодёжь! Что это вы приумолкли? Непорядок, однако... Горько! Горько! Горько! Раз! Два! Три...

Зазвучала музыка. Это известная музыкальная группа «Биллис бенд», вспомнив о корнях, почтила периферийное Купчино своим визитом. То бишь, почтила вниманием Пашку Сомова, который когда-то, будучи ещё старшим милицейским лейтенантом, гонял эту хулиганистую шантрапу, наставляя на путь истинный и оберегая от тюрьги.

Рыжик выдал навороченное гитарное соло, Миша Жидков поднёс мундштук саксофона к губам, а Билли Новик, нещадно терзая сильными пальцами толстые струны контрабаса, затаил:

Февраль,
Такие грустные дела...
Насквозь,
Она всегда – насквозь права...
Я – гость.
Я, всё же, только – гость.
Мы – врозь...

Мы – врозь.
И хитрый ветер перемен...
Метёт – одна знакомая метель...
Постель.
И снегопада только шаль.
Февраль...

Слышна.
Пурги мелодия в ночи...
Давай.
Давай, немного помолчим.
О Вечном – нам поёт пурга.
Едва...

Февраль.
И карандашик на стекле,
Рисует.
Имя той, что вдалеке.
Рисует...
На лице – вуаль.
Февраль...

Рисует – на лице – вуаль...

Февраль...

Февраль...

Песенка закончилась, отзвучали вежливые аплодисменты, подвыпившие гости вспомнили о богато-накрытом столе.

– Чего это Билли торопится? – принялся – сквозь вилочный «бряк» – по-стариковски ворчать генерал-лейтенант Тургаев. – Январь на дворе, а он, бродяга задумчивый, поёт про февраль. Вся молодёжь нынешняя такая, сплошные торопыги и гонщики. Всё-то им хочется занять по-быстрому. Пожирней, погуще, послаще и, желательно, на халяву. Песенка, впрочем, славная. Хотя и грустная... Ага, новые гости пожаловали. Приметная парочка, ничего не скажешь.

От входных дверей, сжимая в руках цветочные букеты и картонные коробки, шагали двое мужчин. Один – высокий и поджарый, в светло-синих джинсах и кожаной потрёпанной куртке. Второй – низенький и пузатый, облачённый в шикарный офисный костюм, с вызывающе-цветастым галстуком на короткой жирной шее.

– Бастарды заявили, – с аппетитом уплетая свежайшую бастурму, сообщил Тургаев. – Куда же без них?

– Бастарды? – вяло ковыряясь вилкой в крабовом салате, заинтересовался любопытный Сидоров. – Это, надо понимать, внебрачные дети? Тогда, пардон, чьи – внебрачные дети?

– Вы, уважаемый господин Издатель, такой образованный и начитанный, это что-то, – ехидно хихикнула Иришка Хрусталёва. – Только у термина – «бастард» имеется несколько значений. В данном конкретном случае имеется в виду, что означенные индивидуумы являются пришлыми. Их обоих к нам в Питер – прошлым летом – прислали с Чукотки. То ли в качестве служебного поощрения, то ли, наоборот, в виде сурового наказания. Кто её разберёт – нынешнюю кадровую политику? Так вот. Тот, который низенький и упитанный, сейчас работает заместителем Главы администрации нашего Фрунзенского района. Курирует ЖКХ, дорожное строительство, малый бизнес и что-то там ещё, по мелочам. Зовут его – «Бокий Николай Фёдорович». В народе – «Толстый бастард». А второй...

– Второй – мой кадр, – беспардонно, чисто по-генеральски перебил Тургаев. – Подполковник Назаров, Глеб Петрович. Занимает должность Начальника Фрунзенского РУВД. Служебное прозвище – «Тоший бастард». Толковый и хладнокровный малый. Раз в две недели вызываю этого молодца к себе на Некрасова, то бишь, на высокий начальственный ковёр. Ну, и, понятное дело, песочу по полной программе. Как и полагается. Ничего, хваткий и выносливый. В том плане, что зубами скрипит, но терпит. Далеко пойдёт. Если, конечно, вовремя разберётся с запутанной личной жизнью.

– А что у него с личной жизнью?

– Ирина, как тебе не стыдно? Кто я, по-твоему, а? Заслуженный орденосный генерал? Или старый бесстыжий сплетник?

– Генерал, ясен пень.

– То-то же... Так вот. У Глеба есть любовница... Что это ты, чертовка зеленоглазая, ухмыляешься? Мол, у всех стоящих и обеспеченных мужиков этого добра навалом?

– Не у всех. У моего Сергея, например, нет.

– Нет, – на краткий миг отрываясь от говяжьего холодца, подтвердил Хрусталёв. – И не было никогда.

– Гы-гы-гы! – племенным жеребцом в самом соку заржал Тургаев. – Дурак ты, братец. Много по жизни потерял. Очень много... Хотя, разве Серёгу можно отнести к разряду «стоящих и обеспеченных мужиков»? Так, нищий писатель-фантаст. Будущий менеджер питерского ресторанного бизнеса... Впрочем, дело не в этом. Любовница нашего Тошего бастарда не

из простых мещанок будет. Является, понимаешь, законной супругой одного крупного чиновника. Жарким скандалом явственно попахивает. Да и муженёк этой легкомысленной шалавы не является, отнюдь, бесхребетным увальнем. Наоборот, твёрд, жёсток и способен на неадекватные поступки. По крайней мере, так мне доложили... Имя-фамилия высокопоставленного рогагоносца? Не могу озвучить, извините покорно. Хочу, но не могу... И вообще. Кто я, по вашему, а? Заслуженный орденоносный генерал? Или старый бесстыжий сплетник?

Вновь прибывшие гости, слегка смущаясь, передали невесте цветочные букеты, вручили жениху картонные коробки с подарками, после чего прошли к дальнему столу и заняли свободные места.

– Что это вы заскучали, гости дорогие? – вскочила с места разбитная тётка Зинаида, торговка с купчинского рынка, выполнявшая на этой свадьбе обязанности тамады. – Наполняем рюмки, бокалы и фужеры! Наполняем, наполняем! А я вам, родненькие, пока стишок зачитаю. Слушайте.

Секс приходит и уходит,
И вокруг – пустыня вновь.
Как мне все-таки противна
Та случайная любовь.

И печально всё фатально,
И без близости нельзя...
А поможет вам, каналы,
Только крепкая семья...

– Ну, как вам? Понравилось? Хлопаем? Улюлюкаем? Польщена... Я ещё и ни так могу. Подождите, когда кураж поймаю. Надолго, господа и дамы, запомните тётю Зину. Ещё, как говорится, не вечер... Вот, за новую крепкую российскую семью я и предлагаю выпить. Горько!

– Горько! Горько! Горько! – браво выцедив рюмку водки, азартно подключился генерал-лейтенант Тургаев. – Раз! Два! Три... А когда принесут горячее? Я, кстати, заказывал колбаски по-гусарски.

Поцелуй, на этот раз, завершился на счёте – «шестьдесят девять».

– Молодцы, ребята! – не обращая внимания на строгие и неодобрительные взгляды супруги, принялся восторгаться пьяненький Издатель Сидоров. – Правильно, так его и растак, понимают текущую ситуацию... Ага, наметилась перемена блюд. Мне, любезный, принеси сёмгу с лисичками и шампиньонами, запечённую в кисло-сладком соусе. Сразу два куска. Гарнир? Спасибо, обойдусь...

Вскоре к их весёлому столу подошёл Сомов, то есть, молодой и счастливый муж.

– Смотрю, у вас всё хорошо, – бесконечно устало улыбнулся Пашка. – Кушаете, смеётесь.

– Это мы бастардов обсуждали, – призналась Ирина. – И, понятное дело, слегка похихивали.

– Так всё и было, – заговорщицки подмигнув, подтвердил Тургаев. – Обсуждали, хохмили и выпивали. А сейчас, вот, кушаем. Гусарские колбаски, надо отдать должное местному шеф-повару, удались на славу. Прямо-таки тают во рту. В меру жирные, в меру острые. Молодец, хвалю. Мастер своего дела... Кстати, майор, а что ты можешь сказать о Тощем бастарде? Ну, типа – в двух словах?

– В двух словах? – задумался Сомов. – Так сразу и не скажешь... Глеб Петрович, он правильный. И как сыщик. И как человек. Мне так кажется. В первом приближении.

– Стало быть, прошёл некую проверку?

– Так точно, прошёл.

– А как было дело, конечно, не расскажешь? – лукаво прищурился генерал-лейтенант. –
Офицерская честь, питерское благородство и всё такое прочее?

– Так точно, Трофим Иванович, – вытянувшись в струнку, вильнул взглядом Пашка. –
Не расскажу. Не имею права. Служебная тайна. Извините...

Глава вторая

Служебное преступление

17-го июля подполковник Назаров был назначен на должность Начальника Фрунзенского РУВД, а ровно через неделю оно и случилось.

Оно? Это как? Что конкретно?

Пусть будет – «происшествие». Правда, отягощённое несколькими трупами и служебным преступлением. Уточню, тайным служебным преступлением, о котором знали только два неболтливых человека. То бишь, нераскрытым и оставшимся безнаказанным...

Дело было так.

Майор Сомов, успешно завершив рутинный рабочий день, отдыхал от всяческих и многогранных служебных заморочек в своей купчинской «двушке». То бишь, беззаботно пил пиво, закусывал магазинными сухариками и сырыми сосисками, рассеянно пялился в телевизионный ящик и пытался – между делом – залучить капризную Александру, работавшую за компьютером, в койку.

– Санечка, душа моя белоснежная, нельзя так много работать, – сжимая в ладонях полупустую банку с пивом, нравоучительно вещал Пашка. – Ослепнуть можно ненароком. Надо, в обязательном порядке, делать перерывы на активный и разнообразный отдых... Опять же, как пишут в толстых глянцевых журналах, регулярный секс, он способствует... э-э-э, общему позитивному тону. Усидчивость повышает. Память укрепляет. Что-то там ещё...

– Отстань, маньяк купчинский, – Александра, не отрываясь от монитора и клавиш, была непреклонна. – Подождёшь. Мне надо со статьёй разобраться. Про жуликов и воров из местного ЖКХ. Очень актуальная и модная тема. Статья уже завтра должна пойти в номер.

– Сашенция, хочешь, я тебе зачту тематический стишок?

– Зачитывай, пиит в погонах.

– Слушай...

Мягкие свежие губы.

Листья ольхи на озёрной воде – проседью...

Листья, летающие везде и всюду,

Осенью...

Осень, она словно пустая бутылка.

Из-под бренди? Из-под «Мартини»?

Смешная картинка.

Плноте.

Мы все – лишь кедровые шишки.

Собравшиеся – вместе.

Русской осенью...

О чём думал Эрнесто Че Гевара,

Когда его повели на расстрел?

Там, в затрапезной боливийской деревушке?

Он думал о твоих горячих и жадных губах,

Которые сейчас терзают меня,

Как последнего партизана,

В нашей купчинской – двушке...

Милый, а как мы назовём нашего первого сына?

Эрнесто.

Это – дорого стоит. Активизируйся, лентяй!

Пашу по полной программе! Моё белобрысое сердце...

– Недурно, право слово, – заинтересованно и одобрительно хмыкнула Александра. – Для среднестатистического майора российской полиции, я имею в виду. Очень даже изысканно и завлекательно... Только, вот, чёткая нестыковочка наблюдается, уважаемый господин майор.

– Что такое?

– Я же нынче, если ты, оболтус сладкоголосый, запомнил, являюсь ярко-выраженной, практически-угольной брюнеткой. Слегка кудрявой. Причём же здесь – «белобрысое сердце»?

– Брюнетка, тоже мне, выискалась, – радостно и дурашливо улыбнулся Сомов. – Пере-красилась и думает, что все следы надёжно спрятаны. А, пардон, интимные места? Загадочно и смущённо молчишь? Может, проверим?

Александра выключила компьютер, встала, грациозно, чисто по-кошачьи потянулась и, недвусмысленно расстегнув верхнюю пуговицу на ситцевом халатике, томно промурлыкала:

– Уговорил, служивый. Будем проверять. Будем... Говоришь, первого нашего сына мы назовём – «Эрнесто»? Не возражаю. Красивое и звучное имя. Но, как уже было сказано выше, данный момент дорого стоит...

В это время, как назло, грубо и нагло разрушая эротическую ауру, затренькал мобильный телефон. Требовательно так затренькал, насмешливо, язвительно и глумливо.

– Вот, и всё, что было. Вот, и всё, что было. Ты как хочешь – это назови..., – демонстративно застёгивая пуговицу и отчаянно фальшивя, пропела Сашенция. – Тяжёлое и неблагоприятное это дело – быть любовницей мента.

– Не любовницей, а гражданской женой, – поправил, поднося мобильник к уху, дотошный Пашка. – Сомов на связи. Говорите.

– Товарищ майор, там это..., происшествие, – замямлил расстроенный голос дежурного по отделению. – Зафиксирована перестрелка. Бдительные граждане звонили...

– Ты, родной, толком докладывай, – нежно поглаживая свободной ладонью Санькины загорелые коленки, посоветовал Пашка. – Кто в кого стрелял? Сколько раз? Где? Кто звонил?

– В самом конце Малой Балканской, рядом с кольцом «шестьдесят второго» трамвайного маршрута. Звуки выстрелов – порядка четырёх-пяти – долетели со стороны бетонного долго-строя. Звонила трамвайная диспетчер. В смысле, диспетчерша.

– Что с потенциальными фигурантами?

– Никого подозрительного вблизи не зафиксировано. Только молоденькая испуганная девица пробежала с той стороны. Поймала частника на белом неприметном «Жигулёнке» и уехала в сторону метро. Номера машины? Далековато было, старенькая диспетчерша не рассмотрела.

– Стреляли, значит? Ну-ну. Бывает. Ладно, понял, – облегчённо выдохнул Сомов. – Сделаем, братец, так. Звонок бдительной гражданки, ясен пень, зафиксируй в журнале. Всё честь по чести и подробно. Как предписывают строгие инструкции. А, вот, с выездом на место происшествия... Сейчас у нас двадцать часов тридцать пять минут. Белые ночи на излёте. Скоро начнёт темнеть. С раннего утра, пожалуй, наведаемся на Малую Балканскую и внимательно осмотрим означенный подозрительный долгострой.

– Не получится – с раннего утра, господин майор, – окончательно запечалился дежурный. – Ну, никак...

– Почему это, вдруг?

– Дык, во время звонка бдительной гражданки была включена «громкая связь». По приказу подполковника Назарова. Он у нас проводил что-то вроде внеплановой вечерней инспекции. Так что, было строго велено – незамедлительно проверить поступивший сигнал. Ответственным назначен майор Сомов. Вот, поэтому и звоню.

– Спасибо, конечно, – вежливо поблагодарил Пашка. – Ну, Тощий бастард и гусь. Лапчатый и шумный. Это в том плане, что непоседливый очень... Кстати, а где он сам?

– Четыре с половиной минуты назад отбыл. На Малую Балканскую. Мол, рядом находится родильный дом – особо важный социальный объект, поэтому необходимо лично принять участие в проверке поступившей информации.

– Вот, я и говорю – гусь. Вернее, человек-такса. Беспокойная такая, непоседливая и шустрая... Ничего не попишешь. Выезжаю...

Сделаем маленькое отступление – сугубо информационной направленности.

Пашка Сомов был, безусловно, хорошим человеком.

Хорошим и правильным. То бишь, правильным питерским пацаном. Практически рыцарем без страха и упрёка.

Как же, блин невский, иначе? Отслужил в родимых Органах без малого тринадцать лет? Отслужил. Причём, в том же самом районе, где и родился, откуда и уходил в доблестную российскую армию. Куда потом, отслужив, и вернулся... Не посадили? Нет, до сих пор на свободе. Не застрелили – в бурные и неверные девяностые годы прошлого века? Пытались, конечно. И не один раз. Но ничего у них, сук грязных, толком не получилось. Так, только два сквозных ранения и контузия лёгкая. Ничего, в общем, серьёзного... Не выгнали из славных Рядов? Ну-ну. Не смешите, пожалуйста. Надёжные и несуетливые специалисты, они всегда в цене... Из младших лейтенантов – за столько лет – дослужился лишь до майора? Не вопрос. Скромность, как всем известно, она украшает человека. В том смысле, что правильного и нормального человека. Отнюдь, не депутатов и депутаток – всех уровней и созывов...

– Хороший, тёртый и правильный кадр, – изучив подробное досье на подчинённого, многозначительно ухмыльнулся очередной новый Начальник питерского ГУВД, генерал-лейтенант Тургаев, Трофим Иванович. – Честно служил. Перед вышестоящими не прогибался. Карьеры, нагло идя по головам сослуживцев, не строил. Воровал? Типа – по скромному крышевал всякую азербайджанскую братию, жмущуюся к станции «Купчино»? Наверное, ёшки-матрёшки. Времена такие. Но, судя по докладным запискам службы собственной безопасности, делал это грамотно, вдумчиво и без излишней жадности. То есть, дружа с головой... Ладно, Катенька, пропускаем данного неприметного субъекта дальше. Ставь уверенную и жирную галочку. Мол, внеочередную служебную аттестацию прошёл успешно. Вопросы, подозрения и нарекания отсутствуют. Достоин именоваться гордым и красивым словом – «полицейский»...

Ленивое вечернее солнышко, разбрасывая вокруг себя нежно-малиновое марево, неподвижно висело у самого горизонта. Высоко в блёкло-голубом небе, обещая на завтра хорошую погоду, отчаянно носились – крохотными чёрными молниями – бодрые стрижи.

Справа – относительно трамвайного «кольца» – возвышалось серо-скучное здание роддома. Слева, примерно в двухстах пятидесяти метрах, наблюдался полуразвалившийся деревянный забор грязно-синего цвета, за которым угадывалась приземистая бетонная коробка неизвестного долгостроя.

– Это он и есть, искомый объект, – уверенно поворачивая автомобильный руль, проворчал Сомов. – Гнилое местечко, доложу я вам. Мутное и подозрительное донельзя. Потенциальное пристанище всяких там маньяков, вурдалаков и вампиров...

Пыльная ухабистая дорога привела старенький майорский «Опель» к ржавым воротам, одна из створок которых лежала в широкой канаве, заполненной до краёв буро-чёрной водой и различным мусором.

«Странное дело», – непонимающе передёрнул плечами Пашка. – «Говорят, что в нашей любимой России – окончательно и бесповоротно – победил рачительный капитализм. Мол, кругом сплошная частная собственность... Почему же данный недостроенный объект окончательно заброшен и не охраняется? Может, это какой-то государственный заказ? Например, второй корпус купчинского роддома? Мол, вороватый частный подрядчик получил сто процентов предоплаты и, долго не раздумывая, подло свинтил в неизвестном направлении? Вполне реальная и жизненная версия, вполне... Так, въехали в ворота. А куда дальше? Свежая колея ведёт направо...».

«Опель» подъехал к полукруглой бетонной арке, ведущей во внутренний дворик. Возле арки были припаркованы два полицейских сине-белых «Форда», рядом с которыми нервно покуривала парочка молоденьких сержантов-водителей.

– Привет, орлы! – покинув машину, бодро поздоровался Сомов. – Что тут у нас?

– Трупы, господин майор, – машинально пряча дымящуюся сигарету за спину, доложил один из сержантов. – И человечьи, и собачьи...

В тёмном проёме бетонной арки, беззащитно вывалив на сторону длинный розовый язык и злобно скаля тёмно-жёлтые зубы-клыки, лежала большая чёрно-пегая овчарка. Мёртвая, понятное дело. На шее собаки располагался широкий кожаный ошейник, густо усыпанный пирамидальными солидными шипами, а неподвижные круглые глаза отливали равнодушным балтийским янтарём.

– Крохотная бурая дырочка наличествует посередине лба. Кровь сочится ало-чёрным ручейком, – отметил Пашка. – Меткий стрелок, однако, нам попался... А ты, сержант, судя по характерным ухваткам, демобилизовался из армейских рядов совсем недавно?

– Так точно. Полтора месяца назад.

– Ну-ну... Господин подполковник во внутреннем дворе?

– Так точно.

– Ладно, докуривайте, служивые...

Перешагнув через собачий труп, Сомов прошёл под арку.

Внутренний дворик, в котором явственно пахло пороховой гарью, оказался достаточно просторным, но от души захламлённым разнообразным строительным мусором: полусгнившими деревянными рамами, кучами битого стекла, пустыми банками из-под краски и беспорядочно разбросанными цилиндриками чёрного битума.

Подполковник Назаров стоял возле тёмно-бежевой двери, помеченной красным крестом, и, слегка наклонившись, с любопытством осматривал мужское неподвижное тело. Ещё несколько сотрудников РУВД равномерно рассредоточились по двору, занимаясь, судя по всему, изучением других трупов.

– Прибыл по вашему приказанию! – подойдя, доложил по установленной форме Пашка.

– О, Павел Сергеевич! – протягивая руку, обрадовался Тощий бастард. – Приветствую! Очень даже кстати. Ведь, данный недостроенный объект, если я ничего не путаю, находится на подведомственной вам территории?

– Ничего не путаете, – покладисто подтвердил Сомов. – На вверенной мне территории. Виноват, – про себя же он отметил, что рукопожатие у Назарова крепкое, а взгляд внимательный, пристально-изучающий и цепкий.

Приоткрылась дверь с красным крестом, и из неё появился молоденький тщедушный лейтенант.

– Вот, и Потапов! – продолжил, широко улыбаясь, излучать неземную радость Тощий бастард. – Завершил осмотр помещения? Молодец! Давай, Потапов, обрисуй господину май-

ору обстановку. Вам же, как-никак, вместе работать по этому делу. Сомову – как руководителю отделения полиции, на территории которого и произошло данное преступление. А ты, лейтенант, будешь курировать ход расследования в качестве представителя Районного Управления. Давай, излагай. Обрисуй, так сказать, общую картинку, но, не выпуская из вида ключевых деталей.

– Разрешите, я сперва вызову экспертов? – предложил Пашка. – Типа – для пользы дела?

– Эх, майор, майор, – неодобрительно покачал головой Тощий бастард. – За кого вы меня принимаете? За провинциального мечтателя и чукотского недоумка? Напрасно, честное слово. Всех уже вызвали. И местных, и районных и прокурорских... Приступай, Потапов, к докладу.

– Значится так, – солидно откашлявшись, принялся излагать лейтенант. – Обнаружено три мёртвых человеческих тела. Два принадлежат, вернее, принадлежали при жизни молодым людям крепкого телосложения, от двадцати пяти до тридцати лет. Третий, – указал рукой на труп, лежавший под ногами у подполковника, – уже в годах. Был..., – громко сглотнул предательскую слюну. – Никаких документов при покойных не обнаружено. Возможно, их унёс с собой неизвестный убийца. Имеется ещё немецкая овчарка в ошейнике с шипами. Застреленная... По оружию. Рядом с одним из трупов обнаружено чёрное короткоствольное ружьё, предназначенное для стрельбы «усыпляющими» ампулами. Такими, как правило, пользуются зоологи и прочие учёные, занимающиеся изучением животного мира. В правой ладони второго трупа зажат пистолет марки «Глок» израильского производства – с пустой обоймой, пуля в стволе отсутствует. Но, судя по характерному запаху из ствола, можно с уверенностью утверждать, что совсем недавно из этого пистолета стреляли... Смерть всех пострадавших наступила от огнестрельных ранений. Хотя. Не знаю... На лице пожилого покойника имеются какие-то странные рваные раны, которые я не могу однозначно идентифицировать...

– Лезвия бельгийского метательного ножа, проникшие глубоко в мягкие лицевые ткани, – предположил Назаров. – Одно, похоже, пробило пострадавшему правый глаз, от чего тот и вытек. Как считаете, майор?

– Вполне может быть, – согласился Пашка. – Эксперты потом определят более точно... Кстати, про мёртвую овчарку. Я видел пулевое отверстие на её лбу. Пули, выпущенные из «Глока», встречаясь с твёрдой костью, оставляют гораздо более серьёзные дырки.

– Молодец, Павел Сергеевич. Наблюдательный... Лейтенант, а что ты обнаружил за дверью, помеченной красным крестом?

– Что-то похожее на классический притон, Глеб Петрович. Одна комната оборудована под ресторанный кабинет: свежие цветы в вазонах, стол под белоснежной скатертью, вилки-ножи серебряные, несколько бутылок с вином, шампанское в мельхиоровом ведёрке, салаты и холодные закуски... Вторая комната – нечто среднее между спальней и фотостудией: широченная кровать под кроваво-алым балдахином, видеокамеры, фотоаппараты, треноги с мощными осветительными лампами. А ещё там много разложено – на специальном низеньком столе – этих..., ну, всяких сексуальных причиндалов. Кнуты там и..., прочее...

– Как же всё красиво складывается, – довольно потирая ладони, плотоядно усмехнулся Тощий бастард. – Редкостная удача, право. Будет о чём докладывать вышестоящим персонам... Что, подчинённые, так удивлённо посматриваете на меня? До сих пор не въехали в тему? Не узнаете знаменитого душегуба? – указал пальцем на труп у себя под ногами. – Майор? Что можете сказать про покойного?

– Пожилой лысый дядечка неопределённого возраста, – неуверенно забубнил Сомов. – Наверное, уже за пятьдесят. Характерная чеховская бородка, залитая кровью. Рядом валяется лохматый чёрный парик... По одежде. Бархатная тёмно-синяя тужурка, цветастый шейный платок. Скорее всего, принадлежал к так называемой богеме. Лицо изуродовано лезвиями бельгийского ножа. Скончался, надо полагать, от выстрела в сердце. Может, от двух...

– Это всё?

– На данный момент – всё. Надо снять отпечатки пальцев. Может, тогда и удастся установить личность пострадавшего.

– Ну, с отпечатками пальцев – любой сможет, – высокомерно хмыкнул Назаров. – Впрочем, и я не сразу сообразил, что к чему. Интеллигентная борода, цветастый шейный платок, кровавые безобразные шрамы на физиономии... А потом сопоставил одно с другим. Переварил информацию о порностудии, расположенной за дверью с красным крестом... Короче говоря, Потапов, дёрни-ка мертвеца за бороду. Смелее дёргай! Сильнее! Ты же, как-никак, лейтенант полиции, а не кисейная тургеневская барышня... Оторвалась?

– Так точно, товарищ подполковник! Грим. То бишь, театральная бутафория.

– То-то же, коллеги. А теперь что скажете, господа сыщики? Признали кровавого злодея?

– Степан Хряпов, кличка – «Пегий», – смущённо шмыгнув носом, доложил Пашка. – Личность известная. Уже года два с половиной, как находится во всероссийском розыске.

– Неужели, сам Пегий? – восхитился Потапов. – Ну, надо же! Про банду Пегого в Интернете часто пишут всякое. Даже волосы на голове – от прочитанного – иногда становятся дыбом...

– Почему замолчал, лейтенант? Рассказывай, рассказывай. Не тушуйся. Мы с майором с интересом послушаем интернетовские байки.

– Ага, сейчас... Значится так. Методы работы банды Пегого заключаются в следующем. Молоденькая смазливая девчушка, порой несовершеннолетняя, заманивается в укромное местечко и исподволь, под вкусную трапезу, пичкается хитрыми препаратами, полностью отключающими рассудок и многократно повышающими сексуальную активность. После этого снимается трёх-пяти часовой порнографический фильм. В завершении означенного действия несчастная девица усыпляется навсегда, а её жизненные органы профессионально извлекаются и помещаются в специальные контейнеры – для нужд трансплантологии. Комплексный, высокодоходный и практически безотходный бизнес, так сказать... Не знаю, может, история с извлечением органов является нездоровой выдумкой? То есть, банальным преувеличением?

– Всё – правда. На этот раз болтливый Интернет не соврал, – заверил Тощий бастард. – Так что, ребятки, в любом раскладе мы будем обласканы суровым начальством. Мол, первыми принесли радостную весть о ликвидации душегубов и извращенцев... Тем не менее, убийство трёх человек надо расследовать. Причём, старательно и тщательно. Лишний «глухарь» нашему славному РУВД ни к чему... Ага, эксперты приехали. Всё, работайте. Землю носами ройте. А я поехал, других важных дел невпроворот.

– Глеб Петрович, а когда мне подъехать с докладом? – решил уточнить Пашка. – Ну, о ходе расследования?

– Я потом сам, на днях, загляну к вам в отделение. Пообщаемся. Всех благ, господа сыскари. А эксперты уже получили от меня чёткую и однозначную команду – отработать на совесть, без нытья, проволочек и отговорок. Они с собой, учитывая тёмное время суток, и осветительную аппаратуру привезли...

Тощий бастард не обманул – уже на следующий день, после обеда, на стол Сомова легла толстая пачка экспертных заключений.

А ещё через полчаса нетерпеливо зазвонил тёмно-зелёный служебный телефон.

– Полковник Назаров беспокоит, – оповестила телефонная трубка. – Приветствую, майор.

– Здравия желаю, Глеб Петрович, – откликнулся Пашка. – К вашим услугам.

– Это хорошо, – начальственно хохотнула трубка. – Поговорить надо, сыщик.

– Конечно. Когда? Где?

– Спускайся. Я тебя жду у входа.

Они шли по Купчинской улице. Двое обыкновенных и неприметных питерских прохожих. Сомов, вообще, облачался в полицейскую форму только в крайних случаях – по праздникам там, или во время плановых визитов на начальственные пышные ковры. Да и подполковник, на этот раз, был в штатском. Вернее, почти в штатском.

– С любопытством посматриваешь? – криво улыбнувшись, спросил Назаров. – Мол, начальник странно вырядился? Это лётная гражданская форма, только без всяких лычек и прочих опознавательных знаков. Осталась от старшего брата. Он разбился на Чукотке, ровно шесть лет назад. День в день. Груз какой-то на вертолётё геологам-геофизикам перевозил, да и навернулся на скалы. Пожар, взрыв. Даже путних косточек не осталось. А теперь, когда настроение хреновое, я всегда облачаюсь в брательниковы шмотки. Иногда помогает.

– Соболезную...

– Слушай, майор. А поблизости есть какое-нибудь приличное местечко, где можно спокойно посидеть, выпить, поговорить? Так, чтобы без посторонних любопытных ушей?

– Имеется. Пивной ресторан – «Два капитана». Респектабельное – во всех отношениях – заведение. Рекомендую.

– А там... э-э-э, не прослушивают? Да и название странное. Отдаёт какой-то дешёвой и несерьёзной романтикой.

– Никакой слюнявой романтики, – заверил Пашка. – Ни единой капельки. Просто Учредителей у данного предприятия общепита ровно два. Один – до выхода в отставку по плановому сокращению штатов – трудился капитаном в ГРУ. Другой, соответственно, в ФСБ. Ничего хитрого... Прослушка? На сто пятьдесят процентов исключено. Этот кабачок является заведением, отнюдь, непростым. Спецслужбы и прочие несимпатичные организации – по негласному секретному соглашению – здесь никогда не устанавливали и не устанавливают никакого запи-сывающего и подслушивающего оборудования. Более того, «Два капитана» никогда не попадает в сводки и в профильные отчёты, как будто бы этого ресторанчика, и вовсе, не существует в природе. Да и не существовало никогда... Кто завёл такой нестандартный порядок? Не знаю. Давно это было. Наверное, кому надо, тот и завёл...

В «Капитанах» было прохладно, уютно и – по раннему времени – пустынно.

Они заказали семьсот пятьдесят грамм водки и немудрёных холодных закусок в ассортименте. Помянули старшего брата подполковника, поболтали о всяком и разном.

Когда водка и закуски закончились, Сомов сходил к барной стойке и принёс по литровому бокалу с пивом и плоское блюдечко, наполненное подсолёнными орешками кешью.

– Отменное пиво. Просто замечательное, – сделав пару-тройку крупных глотков, сдержанно похвалил Тоший бастард. – Свежее, ароматное, забористое.

– «Капитаны» – по устоявшейся традиции – крепко держат марку, – пояснил Пашка. – А как же, блин горелый, иначе? Чай, не последнее пивное заведение в городе. И в богатой Европе про него знают. И в далёком беззаботном Нью-Йорке. Серёга Хрусталёв, местный купчинский писатель, даже в паре авантюрно-приключенческих романах упомянул – правда, вскользь – о «Капитанах». Морда легкомысленная...

– Ладно, тебе, Паша. Не переживай, – перешёл на «ты» подполковник. – Упомянул и упомянул. Не убудет, чай... Что будем делать с ликвидацией банды Пегого?

– Дык, это. Расследовать. Ребята, включая вашего лейтенанта Потапова, сейчас старательно «копают» возле станции метро «Купчино». Там же полно всяких и разных магазинов, оснащённых – и внутри, и снаружи – видеокамерами. Вдруг, где-то и заснята та испуганная девчушка на белых «Жигулях»? Время её появления возле метро известно, плюс-минус пятнадцать минут. Есть все шансы. Опять же, эксперты изучают пули, выпущенные из браунинга.

– Поподробнее, пожалуйста.

– Два широкоплечих облома и немецкая овчарка застрелены из браунинга. Предположительно, немецкого производства. А гражданину Пегому кто-то сперва выпустил в физиономию

три лезвия из бельгийского метательного ножа, а потом пристрелил беднягу из «Глока». Два выстрела в сердце. Потом этот «Глок» был обнаружен зажатым в ладони у одного из мёртвых здоровяков...

– Следовательно, криминальные деятели – теоретически – могли, предварительно перессорившись, перестрелять друг друга?

– Ну, если теоретически, то да... Только куда – в таком удобном и идеальном раскладе – подевались бельгийский нож и браунинг?

– Действительно, куда подевались? – задумчиво наморщил лоб подполковник, после чего резко поменял тему разговора: – Я, Паша, в Питере совсем недавно. Чуть больше месяца. Но, ещё находясь на Чукотке, начал потихоньку знакомиться – с помощью всезнающего Интернета – с вашими невскими реалиями. И про то, что в городе появился какой-то загадочный Дозор, знаю. Расскажи-ка мне, будь другом, про эту структуру. Если, конечно, не трудно.

– Значит, рассказать про Дозор? – насторожился слегка захмелевший Пашка. – Расскажу, не вопрос. В том плане, что постараюсь... Поначалу считалось, что это такая неформальная общественная организация. Мол, беспокойные чудаки и чудачки выслеживают злостных педофилов и, после сбора чёткого компромата, сдают их представителям органов правопорядка, то бишь, нам. Или же просто вывешивают в Интернете фотографии и координаты негодяев. Полезное, если вдуматься, занятие. Типа – посильная и действенная помощь полиции... Но, с полгодика тому назад, прошла информация, что «дозорные», больше не доверяя российским чиновникам, перешли к активным действиям. Причём, в сферу их интересов – кроме педофилов – попали и крупные наркодилеры, и содержатели публичных домов, и главари устойчивых ОПС, и... Всяческая «человеческая гниль», короче говоря. Сегодня общественное мнение приписывает Дозору, по меньшей мере, десятка три актов самосуда – над всякой и разной сволочью. Убийств, если выражаться напрямик...

– И для недоверия «дозорных» существуют веские основания?

– Существуют, понятное дело. Зачем и чего скрывать? Общеизвестно, что зачастую наши Власти проявляют в отношении закоренелых преступников ничем неоправданный и мягкотелый либерализм. Убийство? Пять лет в колонии общего режима. Изнасилование? Трёх... Им-то что? Я имею в виду зажавшуюся и обнаглевшую в корягу российскую бизнес-политическую элиту. И они, и их обожаемые детки, да и все близкие родственники живут сугубо в престижных городских районах и трущоб – без надёжной охраны – никогда не посещают. То бишь, не сталкиваются они – нос к носу – с отбросами общества человеческого. Для богатых и упакованных россиян все кровавые и мерзкие преступления – виртуальны. Мол: – «Слышали, конечно, но лично никогда не сталкивались...». В такой ситуации очень легко быть добрым, либеральным и милосердным. Даже смертную казнь, так их всех и растак, умудрились отменить... А сколько преступников по-простому откупается, заслав иностранные денежные знаки прокурорам, следователям и судьям? Да, считай, каждый второй, мать его! Бред законченный... Как говорится, сытый голодному не товарищ, а вальяжный барин никогда не проникнется проблемами и нуждами голодного холопа... Вот, примерно такую нестандартную идеологию и исповедует Дозор, верша противозаконный самосуд. То бишь, прикрываясь ею, вершит...

– Принеси, любезный, ещё водки, – велел проходящему мимо их столика официанту Тоший бастард. – Грамм, пожалуй, четырёста. Только побыстрей. Типа – одна нога там, а другая уже здесь. Закуска? Пока не надо. У нас ещё орешки не закончились... Наливай, Паша. Полней наливай... Ну, за полное и чёткое взаимопонимание?

– За него, Петрович.

– Ох, хороша водочка в «Капитанах»!

– Хороша. Спорить не буду...

– Значит, майор, не хочешь отрабатывать «дозорный» вариант? Мол, это легендарный питерский Дозор ликвидировал банду Пегого¹?

– Не, – отрицательно замотал головой Сомов. – Не хочу.

– Почему? Говори, не стесняйся. Разговор-то у нас с тобой, Павел Сергеевич, насквозь неофициальный. Приватный, так сказать... Может, ещё по одной?

– Наливай!

– Вздогнули?

– Ага...

– Так, собственно, почему?

– Почему не хочу отрабатывать «дозорный» след? – на всякий случай мысленно подбирая нужные слова, переспросил Пашка. – Во-первых, за Дозором, явно, стоит кто-то из сильных Мира сего. Ходят упорные слухи, что, мол, чуть ли не Сам, – картинно возвёл хмельные глаза к потолку. – Во-вторых, журналюги, корреспонденты и репортёры. Как только узнают, что мы «копаем» под Дозор, так тут же обложат – плотным кольцом – и моё отделение, и здание, где располагается ваше, Петрович, РУВД. Горячая и модная тема, мать их всех... Откуда узнают? Откуда-нибудь. Утечка информации – в наше грешное время – дело обыденное...

– Что, Павел Сергеевич, замолчал? – подпустил в голос сладко-приторного елзя Тощий бастард. – Ведь, гадам буду, есть и – «в-третьих»? Считаешь, небось, что в противоправной деятельности Дозора присутствует и здоровое зерно?

– Считаю. Причём, безусловно... Привожу конкретный и жизненный пример. Три двадцатипятилетних парня, имеющих прямое отношение к «золотой молодёжи», изнасиловали – по пьяной лавочке, понятное дело – скромную студентку-первокурсницу. Есть и многочисленные свидетели, и экспертиза ДНК однозначно подтверждает данный преступный акт. Но в дело вмешиваются высокопоставленные папаши насильников. Черда телефонных звонков – куда только можно. Ушлые адвокаты заносят щедрые взятки к следователям, прокурорам и судьям. Как результат – освобождение за недоказанностью. Мол, потерпевшая была махровой проституткой и заявила на фигурантов из бытовой мести, так была недовольна полученным гонораром за оказанные услуги... Окрылённые парни, полные сил на новые свершения, покидают СИЗО. А ещё через сутки-другие отправляются в морг, сражёнными меткими пулями «дозорных»... Лично я не вижу в этом ничего страшного, экстраординарного и фатального. Во-первых, уроды получили по заслугам. Во-вторых, справедливость восторжествовала. В-третьих, остальные потенциальные преступники поняли, что: – «Наказание за совершённое преступление – в любом случае – неотвратимо. Ибо, Дозор не дремлет...». В-четвёртых...

– Остановись, Пашенька, – разливая по рюмкам остатки водки, попросил Назаров. – Не продолжай. Я, честное слово, уже всё понял. Даже, более того, полностью солидарен с твоими мудрыми рассуждениями... Так как, родной, сможешь закрыть дело по убийству Пегого и двух его подельников, не считая собаки? Однозначно и по-тихому закрыть, я имею в виду? С одной стороны, это является злостным служебным преступлением. Мол, не проработав до конца все версии, закрыл дело об убийстве. А, с другой? Вот, и я говорю... Что конкретно говорю? Мол, философия – наука тонкая-тонкая. Тоньше не бывает. Созданная для людей мыслящих и мужественных... Так, собственно, как? Закроешь?

«Как хорошо, что я, морда запьянцовская, не успел рассказать про – «в-четвёртых». Повезло на ровном месте», – хмельно обрадовался Сомов. – «Мол, главным купчинским «дозорным» является мой закадычный школьный и армейский дружок Гришка Антонов. Портишь лучшему другу жизнь гнилыми ментовскими разборками? Извините, пас. Лучше, уж, подам рапорт на увольнение...».

¹ О том, что действительно произошло на территории купчинского долгостроя рассказано в романе – «Дозор. Питерские тени».

Вслух же он высказался более осторожно и адекватно:

– Сделаем, Петрович. Ик! Комар носа не подточит. Ни себе, ни другим. Штатской падлой буду...

Сомов обещал, Сомов сделал. Уладил дело – никто, включая Президентов России и США, носа не подточил. Ни прокурорские ребята, ни продажные журналисты, ни агенты коварных иностранных спецслужб.

Был у него задержанный – якобы среднестатистический бомж-погорелец из далёкой Иркутской области. Мол: – «Грянуло жаркое и безжалостное лето сурового 2010-го года. Вся наша сибирская деревушка сгорела дотла. Теперь я – бедный и заброшенный, сиротиночка горькая – странствую-бомжую по всей стране. Неприкаянный, нищий и всеми позабытый. Вот, и прибил к вашей славной железнодорожной станции – «Купчино». Подайте, люди добрые, сколько кому не жалко...». На самом-то деле задержанный являлся не природным сибиряком, а, наоборот, исконным молдаванином. В том плане, что наполовину цыганом и сызмальства промышлял торговлей наркотиков. «Несчастный сибирский погорелец»? Так, коммерческий образ, законспирированный на скорую руку, не более того... Взял его Пашка «на тёплом», на раз, но оформлять окончательного дела не стал. Ограничился задержанием и десятисуточной посадкой в КПЗ. Почему? Потому. Оно, ведь, не горит. Квартальный план «по наркоте» выполнен досрочно. Чего, спрашивается, суетиться? Куда, пардон, спешить? Орденов, премий и внеочередных званий за спешку, как известно, не дают...

Договорились быстро, за пять минут. Мол: – «Я о наркотиках ничего не знаю, а ты мне подписываешь один сторонний протокол, после чего сваливаешь из Питера навсегда. Согласен? Лады, начальник...».

Выписка из официального полицейского Протокола.

Следователь: – Итак, прошу ещё раз – официально – рассказать о происшествии.

Подозреваемый: – Вечерело. Мы с Носатым решили заночевать в бетонном долгострое. Ну, в том, что на Малой Балканской улице, рядом со зданием Фрунзенского роддома. Нашли подходящую сухую комнатуху на третьем этаже, обосновались, накрыли пустой фанерный ящик позавчерашней газетой – «Новейшие новости». Хлебушек и ливерную колбаску нарежали. Вскрыли консервную банку – «Бычки в томате». Сырок – «Дружба» освободили от фольги. Портвейн – «777», классический, откупорили. Лепота... Вдруг, тревожный шум под окнами, собака злобно гавкает. Выглядываем, а там три мужика не могут поделить симпатичную девчонку. Сперва только ругались, а потом – почём зря – начали стрелять друг в дружку. Мы, понятное дело, испугались и спрятались. Потом всё стихло. Выглядываем – три хладных трупа лежат. Собачий – плюсом. Деваха куда-то исчезла... Портвейн допили, спустились, снедаемые природным любопытством. Ба, оружие валяется. Можно продать... Чёрный импортный пистолет брать не стали – приметная вещь, запросто можно спалиться. А браунинг взяли, врать не буду. Да и бельгийский ножик – штуку модную и ходовую на рынке – прихватили...

Следователь: – Что было дальше?

Подозреваемый: – Дальше? Отправились искать новое место для ночлега. Дошагали до Бухарестской. Заночевали в коллекторе, что находится правее магазина – «Колесо». Знаете, наверное?

Следователь: – В курсе. Продолжайте.

Подозреваемый: – Продолжаю... Переночевали. Утром Носатый пошёл продавать трофеи. Видимо, продал. Поэтому и не вернулся.

Следователь: – Знаете, где можно найти Носатого?

Подозреваемый: – Знаю. В морге при Фрунзенском РУВД. Его бездыханное тело нашли вчера в пруду Кирпичного завода, на углу Бухарестской и Димитрова. Видимо, продал пистолет и нож, а делиться выручкой со мной не захотел. Сука злая и жадная. Накупил целую кучу

хорошего бухла, пошёл на пруд, напился в одиночку, поскользнулся, упал в воду и утонул. Туда ему, подлому крысятнику, и дорога...

Глава третья

Гид в погонах и деревня Зайцево

Сомов, позабыв про собственную свадьбу, с головой ушёл в воспоминания.

«И с чего это, вдруг, Тощего бастарда тогда растащило на слюнявое благородство? То бишь, торкнуло? Реально не захотел трогать Дозор? Это, конечно, правильно и дальновидно. Мол, себе дороже. Пристрелят вмиг, даже с женского трепетного тела, быющего в серийном оргазме, слезть не успеешь. Но, тем не менее... Остался какой-то нехороший осадок. Вернее, смутные предположения, что благородство не имеет к данной ситуации никакого отношения. Ну, не малейшего... Что-то другое Назаров имел в виду. Что конкретно? Хрен его, морду чукотскую, разберёт...

На ресторанной сцене – под бурные аплодисменты и восторженный девичий визг – вновь появились «Биллис бенд».

Рыжик – уже привычно – выдал виртуозное гитарное соло, а Новик, картинно терзая толстые струны контрабаса и хитро улыбаясь, неожиданно затянул:

Над седой волною – солнце ярко светит.
Над вчерашней лужей – ветерок свистит.
Почему так грустно – жить – на этом Свете?
Почему – так тошно? Кто мне объяснит?

Почему так грустно – жить – на этом Свете?
Почему – так тошно? Кто мне объяснит?

Дальняя дорога – снова в Путь позвала.
Дальняя дорога, трудная стезя.
И играл оркестрик – на краю вокзала.
И хмельно орали – вслед – мои друзья.

И играл оркестрик – на краю вокзала.
И хмельно орали – вслед – мои друзья.

А тебя там не было. Вот, такая песня.
Жёлтый лист – доверчиво – тихо прошептал,
Мол, не быть вам, голуби, никогда уж вместе.
Семафор – в поддержку – красным замигал.

Мол, не быть вам, голуби, никогда уж вместе.
Семафор – в поддержку – красным замигал.

Я вернусь – однажды. Старым и усталым.
Я прорвусь – сквозь тернии. На закате дня.
Глупым и доверчивым. Веря несказанно...
Веря, что однажды – ты простишь меня.

Глупым и доверчивым. Веря несказанно...
Веря, что однажды – ты простишь меня.

А вагон уж тронулся. Небо расколосось.
На стекле повисла – дождика слеза.
И мелькнули – звёздами – на краю перрона
Серые, как омут, милые глаза.

И мелькнули – звёздами – на краю перрона
Серые, как омут, милые глаза...

«Что это Билли, мечтатель хренов, творит?», – всерьёз забеспокоился Пашка. – «Грусть-печаль, музыкальный прохиндей, навеивает... К чему, интересно, такие многозначительные навороты? Ей-ей, неспроста... Неужели, отпуск накроется медным тазом? Совместно с медовым месяцем? Прямо сейчас бежать в турагентство и сдавать путёвки в солнечный Таиланд? Или погодить слегка?».

И Александра – в противоположном конце ресторанного зала – почувствовала, судя по всему, нечто аналогичное. Сделала «большие глаза» (сердитые-сердитые такие), и призывно махнула рукой, мол: – «Греби сюда, охламон окольцованный. Причём, без задержек и проволочек. Если, понятное дело, желаешь вкусить – уже ближе к рассвету – сладкого супружеского секса. А настоящий супружеский секс, чисто для информации, это не какая-нибудь там досвадебная ерунда. Супружеский – он круче всех прочих. На порядок, а может быть, и на целых два. Тут всё от меня, нежной и трепетной, зависит...».

– Уже иду, – тихонько пробормотал Сомов. – Практически лечу...

– Куда это? – язвительно уточнил Тургаев. – К законной супружнице? А с этими как быть? – чуть заметно кивнул головой в сторону.

Пашка посмотрел в указанном направлении – бастарды, занимавшие дальний столик, отчаянно жестикулировали, мол: – «Греби сюда, парнишка! Срочно! Дело есть...».

Причём, Тощий бастард жестикулировал откровенно вяло, словно бы стесняясь чего-то. А Толстый, наоборот, проявлял барственную настойчивость.

– Ну, и что надумал, юный молодожён? – заинтересовался генерал-лейтенант. – Кого выберешь?

– Жену, конечно, – легкомысленно передёрнул плечами Пашка. – Святое дело, как ни крути. Бастарды приходят и уходят, а кушать и заниматься сексом хочется всегда.

– Молодец, майор! Не подгадил. Надо будет задуматься на досуге – о твоём досрочном повышении по службе. С секретаршей, например, посоветоваться. Катенька, она девушка мудрая...

Сашенция встретила мужа приветливо, только слегка пожурела:

– Правильное решение принял, муженёк. Только чего так долго раздумывал? На автомате всё должно быть. Мол, жена – превыше всего и вся. Охламон...

– За Пашку-охламона, нашего отважного майора! – провозгласила очередной тост тётка Зинаида, обладавшая отменным слухом. – Наполняем, гости дорогие, рюмки, фужеры и бокалы! Активней, дорогие граждане и гражданки! Пока водка не выдохлась!

– За Павлика! – поддержали гости. – Будь здоров, бродяга!

– За майора и майоршу! Горько! Горько! Горько! Раз, два, три...

На счёте семьдесят семь, с явной неохотой оторвавшись от горячих женских губ и наспех восстановив дыхание, Сомов прошептал в нежное супружеское ухо:

– Санечка, отойду я на пару-тройку минут. Поболтаю с бастардами. Пока не разгневались.

– Отойди, конечно, любимый. Строгое начальство – лишний раз – обижать и злить не стоит...

– Поздравляю, Сомов, – вальяжно протянул руку для приветствия Толстый бастард, он же – заместитель Главы администрации Фрунзенского района, Бокий Николай Фёдорович. – Поздравляю, понимаю и одобряю. Прессу, в наше бурное время, необходимо тщательно контролировать и вдумчиво курировать. То бишь, держать в узде... Гы-гы-гы!

– Присоединяюсь, майор, к поздравлениям коллеги, – вяло промямлил подполковник Назаров, он же – Тощий бастард. – Желаю долгих лет счастливой семейной жизни, детишек, денег, карьеры и так далее. Тут, понимаешь, Павел Сергеевич, такое дело...

– Очередной отпуск, вместе с медовым месяцем, отменяется? – расстроено нахмурился Сомов. – Вот же, как чувствовал! А всё Билли с его печальными песенками. Сглазил, ворон купчинский.

– Не отменяется, а, всего лишь, переносится, – равнодушно улыбаясь, поправил Толстый бастард. – На неделю. Может, на две... Ты же путёвки в Таиланд приобретал в «Розе ветров»?

– В ней, конечно.

– А где находится офис этого турагентства? Правильно, они арендуют две комнатухи в здании нашей районной Администрации. Так что, никаких проблем не возникнет. Позвоню – как миленькие поменяют, майор, тебе путёвки и авиабилеты. Причём, с радостным громким пискom и искренним восторгом... Договорились?

– Разве у меня есть выбор? – обречённо вздохнув, поморщился Пашка. – Я имею в виду, дельный и достойный?

– Нету, Павел Сергеевич. Нету, родной.

– Могу я узнать, чем вызван... м-м-м, такой поворот событий? Намечается важное и ответственное мероприятие?

– Намечается, – чуть заметно вильнув взглядом, подтвердил Тощий бастард. – На среду выдано официальное разрешение на проведение митинга. Ну, против строительства офисно-развлекательного Центра на берегу пруда Кирпичного завода.

– И только-то? – удивился Сомов. – Я-то думал, мол, что-то по-настоящему серьёзное...

– Поверхностное и легкомысленное отношение, майор, здесь нежелательно и неуместно, – сурово свёл мохнатые брови к переносице Николай Фёдорович. – В заявке инициативной группы сказано, что на грядущем митинге будет присутствовать порядка полутора тысяч человек. Ожидается нешуточный наплыв районной и городской прессы. Два телеканала пришлют съёмочные бригады. Есть предположения, что и представители... э-э-э, бунтарски-настроенной молодёжи почтят данное мероприятие своим вниманием. Так что, возможны всякие гадкие казусы... Надо, Павел Сергеевич, провести митинг идеально. Без дурацких накладок и непредвиденных сюрпризов. Иначе, тьфу-тьфу-тьфу, конечно, головы и погоны могут полететь – во все стороны... Понимаешь меня? Проникся?

– Так точно. Проникся. Понимаю.

– Вот, и молодец... Кстати, Купчино так названо, наверное, потому, что тут раньше, в годы царского Самодержавия, проживали зажиточные купцы? А торговым людям, как известно, легкомыслие не свойственно...

– Купцы, в данном историческом аспекте, совершенно не при делах, – усмехнулся с лёгкой философской грустинкой Пашка. – В семнадцатом веке здесь, на берегу реки Волковки, располагалась маленькая шведская деревушка – «Купсино». Что в переводе на русский язык означает – «Зайцево». Лесных зайчишек водилось – видимо-невидимо – на тутошних мшистых болотах.

– Как это – шведская деревушка? – задумался Тощий бастард. – На невских берегах – в семнадцатом веке – существовали шведские поселения? Шутишь, майор?

– Ни капли. Среди обывателей, конечно, принято считать, что Пётр Первый заложил Санкт-Петербург в диком, заброшенном и не обустроенном месте. Мол, сплошные топкие болота, миллионы голодных комаров и гранитные скалы, поросшие разноцветными мхами и

лишайниками. Но это совсем не так. В устье Невы всегда, начиная с четырнадцатого века, было многолюдно. И русские часто, причём, с великим удовольствием посещали эти земли, и шведы, и датчане, да и чухонцы финские. Как же иначе? Места здесь были очень уж рыбные. Осетры ловились – волжских да азовских ничуть не хуже, лосось знатный водился, сиг озёрный, жирный, минога, хариус, корюшка... Когда Пётр впервые вступил на этот берег, в устье Невы насчитывалось порядка тридцати пяти деревушек и поселений, не считая хуторов и зимовий. Возьмём, к примеру, знаменитый Васильевский остров. Там самой крупной считалась деревня под названием – «Рыбные тони». Действительно, стационарные деревянные запруды существовали – Александровские и Олфёровские. Первые рыбацкие тони, как утверждают маститые археологи, возвели на этом месте раньше 1500-го года... Километрах в четырёх от Рыбных тоней, прямо на стрелке Васильевского острова, было заложено крепкое финское поселение – «Хирвисари». И на Петроградской стороне мирно соседствовали две деревни: русская – «Мишкино», финская – «Коргиссари». В Мишкино была даже выстроена православная часовня, которая потом – во время воинских баталий – сгорела дотла. А Коргиссари славилась – на всю округу – своими копильнями. Причём, там коптили не только различную рыбу, но и птицу – в основном гусей, казарок и лебедей, а утками брезговали. Дело в том, что раньше в невском устье – весной и осенью – останавливались на отдых огромные птичьи стаи. Практически бесчисленные. Всё вокруг кишмя кишело. Гогот стоял, прямо-таки, оглушительный... Потом всю эту вкусную копчёность увозили торговыми кораблями в западные страны. Естественно, не забывая про бочки с красной и чёрной икрой, а также про ценный нерпичий жир, из которого потом делали отличное мыло. Даже из Копенгагена и Амстердама, говорят, сюда регулярно приплывали пузатые бриги и трёхмачтовые фрегаты.

– Удивительное дело! – восхищённо покачал головой Толстый бастард. – И то, что ты, Павел Сергеевич, рассказываешь. И, вообще... Первый раз общаюсь-разговариваю с таким образованным и гуманитарно-подкованным майором российской полиции...

– Да, я-то что, – засмущался Сомов. – Это всё Александра. Следит, так сказать, за моим общим культурным уровнем. Книжки всякие и разные заставляет читать... Пару слов про удивление. В исторических архивах сохранились письменные свидетельства современников о том, что и Пётр Первый, первый раз плывя по Неве на чухонской одномачтовой фелюге, испытывал сходное чувство. Мол, первозданная природа вокруг, очередной крутой поворот невского русла, и на речном берегу, вдруг, обнаруживаются обгоревшие развалины небольшого дворца. Ну, или там шикарного господского дома. «Что это такое?», – вопрошает поражённый царь. – «Откуда здесь, посредине речной дикости, взялись эдакие хоромины?». А ему и отвечают, мол: – «Это Ваше Величество, бывшее «Весёлое поместье» высокородного шведского графа Стенбока. Очень, уж, любил сей чудаковатый граф это местечко: сил и денег не жалел, обустроивался на века. А в несчастливом 1691-ом году было здесь наводнение великое, все строения и смыло высокой водой, жители потопли, один только Стенбок и спасся. Но после этого несчастья полностью разлюбил граф своё «Весёлое поместье» и уехал из невских краёв навсегда. А само место тут же и переименовали – в «Чёртово поместье»...». Чухонская фелюга, тем временем, плывёт дальше. Смотрит Пётр направо и медленно впадает в полную фрустрацию – на высоком береговом обрыве обустроен симпатичный хуторок самого, что ни наесть, европейского облика: домики из светло-бежевого кирпича под тёмно-малиновыми черепичными крышами, идеально-подстриженные газоны, аккуратные гравийные дорожки между фруктовыми кустарниками, на заливном лугу пасётся приличное стадо, состоящее из красно-пегих породистых коров и белоснежных лохматых коз. «А эти диковинки откель взялись?», – интересуется царь. – «Неужели коз, коров и цветную черепицу не поленились привезти из самой Европы?». «Эта ухоженная деревенька называется – «Конау». Так как, принадлежит шведскому ротмистру Конау», – вежливо отвечают подданные. – «Коров и коз, действительно, доставили морем из славного Стокгольма. А черепица – местного производства. Её изготов-

ляют в селе Спасское. Вон, виднеются его крыши. А само село, оно очень старинное, основанное русскими староверами ещё в далёком 1450-ом году...». «Кого тут только нет», – недовольно пробормотал под нос Пётр. – «Староверы, понимаешь, чухонцы, шведские графья и ротмистры. Плюнуть некуда. Разогнать надо будет – со временем – всю эту братию...». И, понятное дело, разогнал. Причём, шведов, ёлочки пушистые, в первую очередь. Так шведское – «Купсино» и превратилось в русское – «Купчино... Вообще, в те легендарные Времена умели давать населённым пунктам красивые и поэтические названия. Вот, послушайте: Старухина деревня, Таракановка, Коломердово, Первушкино, Обозовщина пустошь, Новинка, Кукушкино, Гришкино, Максимовка, Вигора, Каменка, Лигово, Старая деревня.

– Спасибо, Павел Сергеевич, за столь познавательный и интересный рассказ! – поблагодарил подполковник Назаров. – Ты, братец, настоящий гид-экскурсовод.

– Гид-экскурсовод в майорских погонах, – довольно хохотнул Толстый бастард. – А слово – «купчинцы», получается, если зрить в корень, переводится как – «зайчатники»? Или же – «зайцы»? Гы-гы-гы! Надо будет попросить Билли Новика, чтобы сбавил знаменитую никулинскую – «Песенку про зайцев». А ещё потом можно будет провести общенародный референдум – на предмет присвоения этому нетленному музыкально-песенному произведению высокого ранга-статуса – «Купчинский гимн»...

Александра встретила известие о переносе поездки в Таиланд достаточно спокойно. Слегка погримасничала, расстроено – пару-тройку секунд – пошмыгала носом, а потом заявила:

– Знаешь, милый, может, оно и к лучшему. В том плане, что не пропустим всякие интересные события.

– Какие ещё события? – нахмурился Пашка.

– Всякие, – интригуяюще усмехнулась вредная Сашенция. – Что тебе говорил Толстый бастард про предстоящий митинг? Мол, не исключается вмешательство бунтарски-настроенной молодёжи, сопровождаемое всякими гадкими казусами? В журналистской среде, как раз, ходят аналогичные слухи... Паша? Эй! О чём задумался?

– Не могу понять, зачем Толстый бастард валял дурака.

– Это в каком, интересно, месте?

– Когда завёл пространные разговоры на историко-географическую тематику. Я же, как-никак, опытный сыщик. Следовательно, пусть краешком, но и психолог. Некоторые вещи и моменты просекаю сразу. Почему-то присутствует железобетонная уверенность, что уважаемый Николай Фёдорович знал про историю «Зайцево – Купчино». Знал, но предпочёл прикинуться незнающим. Мол: – «Мы не местные. Просветите, пожалуйста...». Зачем ему это? Загадка...

Глава четвёртая

Может, байка. Может, нет...

Наступила среда.

С раннего утра Пашка прибыл в отделение и провёл с подчинёнными рабочую планёрку. Во-первых, вывесив на планшете подробную карту интересующего квартала, ещё раз напомнил – где и кто будет располагаться. Во-вторых, подробно объяснил, что необходимо понимать под расплывчатым термином – «бунтарски-настроенная молодёжь», и чего от этой самой молодёжи следует ожидать. В-третьих, дал развёрнутые и подробные разъяснения касаясь новых правил проведения задержаний и арестов. В-четвёртых, душевно попросил обходить журналистов, репортёров и фотокорреспондентов стороной. В-пятых, в-шестых, в-седьмых...

Примерно через два часа с хвостиком он завершил совещание следующими словами:

– Господа полицейские, попрошу быть к законопослушным гражданам и гражданкам максимально-лояльными. Но и спуска откровенным хулиганам и дебоширам давать не следует... Вижу, Савченко робко тянет руку вверх. Хочешь уточнить, лейтенант, как отличить законопослушного гражданина от откровенного хулигана? Поясняю для сомневающихся и несообразительных. Очень просто. У граждан в руках находятся плакаты, сумки, диктофоны и фотокамеры. А у хулиганов, наоборот, бейсбольные биты, арматурные пруты, бутылки с «коктейлем Молотова» и прочие подозрительные предметы, могущие нанести реальный вред – как мирным горожанам, так и муниципальному имуществу. Или там частной собственности...

Требовательно и настойчиво зазвонил мобильный телефон – мелодией из легендарного телесериала – «Место встречи изменить нельзя».

Сомов, мельком взглянув на высветившийся номер, машинально вытянулся в струнку и, поднеся мобильник к уху, доложил:

– Слушаю, товарищ..., извините, господин генерал-лейтенант. Завершаю утреннее рабочее совещание с личным составом. К проведению митинга готовы. Комар носа не подточит.

– Сплюнь, дурилка майорская, – добросердечно посоветовал голос Тургаева. – Желательно, через левое плечо и ровно три раза. А ещё не забудь хорошенько постучать по дереву. Только учти, что головы подчинённых – для данного сакрального действия – не подходят. Воспользуйся, хотя бы, стандартным письменным столом... Гы-гы-гы!

«Смеётся – прямо как Толстый бастард», – отметил наблюдательный Пашка. – С теми же характерными интонациями. Они, что же, знакомы? Или... Или где-то совместно служили-работали? Может, даже обучались в одном и том же профильном заведении?».

Вслух же он пообещал:

– Всё сделаю, Трофим Иванович. Не сомневайтесь.

– Только, братец, плюй посмачней, а стучи погромче. Иначе, как показывает практика, не сработает.

– Так точно!

– Слушай сюда, молодожён хренов, – генеральский голос изменился, приобретя начальственную деловитость и сухость. – Не всё так просто с этим грядущим митингом. Из Москвы белокаменной – с час назад – прикатила целая делегация. И депутаты Государственной Думы числятся в её составе, и одиозно-скандальные газетчики, и полноценная телевизионная группа с Третьего канала... Осознаёшь меру ответственности?

– Так точно. Осознаю. Буду держать ухо востро и неустанно бдить.

– Во-во, и я про то же.

– Спасибо, Трофим Иванович, за предупреждение.

– Не за что. Свои люди, сочтёмся...

Пересказав подчинённым информацию, полученную от генерал-лейтенанта, Сомов подытожил:

– Начало митинга запланировано на четырнадцать тридцать. Поэтому всем сотрудникам, в строгом соответствии с ведомственными инструкциями, необходимо заступить на посты ровно в тринадцать ноль-ноль. С прессой и телевизионщиками не конфликтовать, тупо выполнять собственные функции и в дела пацанов из РУВД не вмешиваться. Про деятелей из ГУВД и ФСБ уже не говоря. Даже в их сторону не смотреть. У важных ребяташек свои цели и задачи, у нас – свои... Всё, надеюсь, ясно? Молодцы. Без четверти два появлюсь и проверю.

– А сейчас вы куда? – не удержался от вопроса любопытный Савченко.

– На кудыкину гору, лейтенант. В том плане, что на дежурный обход по вверенной территории. Воздух хочу понюхать, со свежими новостями и сплетнями лично ознакомиться. Полезное дело, знаешь ли...

Дежурный обход? Ну, не любил Сомов подолгу засиживаться в служебных кабинетах. Не любил, и всё тут. В сон его начинало неудержимо клонить.

«Какой толк от всех этих бесконечных совещаний и планёрок?», – мысленно возмущался Пашка. – «Говорильня бестолковая и мутотень мутная. Всё переливаем из пустого в порожнее. Мол: – «Надо неуклонно повышать процент раскрываемости преступлений. Необходимо, в свете последней речи российского Президента, сосредоточиться на эффективной профилактической работе с населением...». Таблички, блин, всякие. Диаграммы хитрые. Графики цветные, изломанные... И как, спрашивается, сидя по кабинетам и залам для совещаний, можно «повышать» и «сосредотачиваться»? Никак, ясен пень... То ли дело – работа «на земле». Прошёлся по улицам и переулкам, присмотрелся к реальной обстановке, прислушался к разговорам, поболтал с умными и информированными людьми. И тогда многое становится понятным. Понятным в практическом ключе, я имею в виду...».

Не реже двух раз в неделю Сомов – вдумчиво и целенаправленно – обходил часть Фрунзенского района, примыкающего с восточной стороны к железнодорожной станции Купчино. Обходил, общался, присматривался, выслушивал жалобы, пристаивал с расспросами, делал выволочки подчинённым, болтал с молоденькими магазинными продавщицами и с пожилыми рыночными торговками. Работал «на земле», короче говоря. На родной земле, надо заметить...

Тощий бастард, глядя на Пашку, тоже перенял эту полезную привычку. Только Назаров предпочитал обходить Купчино сугубо по вечерам, вырядившись в старенькие лётные шмотки погибшего старшего брата. Да и маршруты выбирал другие, отдавая предпочтение улицам, находящимся рядом с прудом Кирпичного завода.

«Это он, наверное, от неистребимой скуки», – решил Сомов, когда ему доложили о регулярных вечерних прогулках подполковника. – «Во-первых, новый город, знакомыми – в том числе, женского пола – ещё не обзавёлся. Вечерами делать нечего. Во-вторых, его казённая квартира расположена в так называемом – «Офицерском доме», расположенном на углу Бухарестской и проспекта Славы. Вот, и совершает вечерние променады по ближайшим кварталам. В-третьих... Может, Назаров обладает повышенным чутьём на опасность? Мол, коренной чукотский житель, с малолетства ходивший на серьёзную охоту, а от пруда, что расположен рядом с перекрёстком Димитрова и Бухарестской, исходит некая чёрная аура? Вот, он и беспокоится?».

Местечко, и вправду, слыло беспокойным, тёмным, небезопасным и сумрачным. Причём, считалось таковым уже долгие годы, десятилетия и даже столетия.

В «Петровские времена» на месте пруда протекал один из притоков реки Волковки. Или же один из её многочисленных рукавов? Трудно сказать однозначно, давно это было. Но уже тогда эта территория считалась «нечистой и проклятой». Дело было в далёком 1703-ем году, сразу после взятия Петром Первым шведской крепости Ниеншанц. Шведы, всерьёз обидев-

шись, задумали учинить противнику быстрый и полноценный реванш. Для чего корпус генерала Кронгиорта, выполнив хитрый обходной манёвр, решил напасть на русские войска с юго-востока. Решить-то решил, но бесславно увяз в топких купчинских болотах и, потеряв восемь драгун утонувшими, вынужден был отступить. Место, где коварная пучина поглотила незадачливых шведских солдат, нарекли – «Погостом», и купчинские крестьяне потом долгие годы рассказывали, что неоднократно – в предзакатных сиреневых сумерках – видели там Призраки утонувших. Мол, неуклюже прыгали с кочки на кочку, зубами противно скрежетали, слезливо молили о помощи и проклинали, не стесняясь в выражениях, всех и вся. Может, байка. Может, нет...

В девятнадцатом веке на месте Погоста, предварительно засыпав топкие болота бутовым камнем, песком и щебнем, построили большой кирпичный завод, и вся прилегающая к нему территория так и стала именоваться в народе – «Кирпичный завод». А русло безымянной речушки было безжалостно раскопано, углублено, расширено, и вскоре там появился-образовался большой пруд, предназначенный для каких-то заводских нужд. Но старинное проклятье, как шептались местные жители, продолжало действовать. Случилась как-то холодная весна, и чуть ли не половина рабочих завода слегла. Бред, горячка, сухой кашель. Пневмония, если по-научному. Многие, порядка тридцати человек, померли. Заводское начальство и велело, дабы не поднимать излишнего шума, похоронить покойных по-тихому, то есть, в пруду. Мол, привязали по-простому тяжёлые железяки к ногам мертвецов, да и сбросили последних в дальний омут. Может, байка. Может, нет...

Потом случилась Октябрьская революция. Несколько лет завод не работал. Но во времена ленинского НЭПа его восстановили какие-то ушлые кооператоры. Восстановили, запустили и стали обеспечивать ближайшие советские стройки качественным и не дорогим кирпичом. Но это, увы, продолжалось недолго. В России, как и заведено, всюду задули новые политические ветра и НЭП – как ошибочное и вредоносное явление – отменили. В 1934-ом году завод вновь закрыли, ушлых кооператоров успешно разоблачили, осудили и расстреляли, а ещё через пару-тройку лет в пустующих заводских помещениях организовали что-то вроде секретно-опорного пункта НКВД. Звуки ружейных выстрелов – и одиночные, и залпами – долетали с той стороны с пугающей регулярностью. Опять по округе поползли пугающие слухи о Привидениях и Призраках, разгуливающих звёздными ночами по берегам пруда. Говорили даже о вурдалаках и оборотнях с волчьими и медвежьими головами. Может, байка. Может, нет...

В послевоенные годы завод отстроили заново. Он и сейчас успешно работает, правда, уже в приватизированном виде. Выпускает кирпич, тротуарную плитку и массивные бетонные урны, которыми заставлены все современные улицы, переулки и проспекты Фрунзенского района.

«И долгие годы всё было тихо, спокойно и благостно. Так нет же, опять началась всякая беспокойная хрень», – покидая родимое отделение, рассуждал про себя Пашка. – «Пруд-то, он овальный, вытянутый в длину. На одном овальном берегу располагается заводская территория. Там всё в полном порядке. Нелегалы из Средней Азии живут-трудятся? Так это, извините, не наше дело. На такой случай существует ФМС, Федеральная Миграционная Служба, то бишь... А на берегу противоположном имеет место быть многолетний заброшенный пустырь. Собираются там, весь год напролёт, не пойми и кто. В том смысле, что все подряд. Люди в годах ловят в пруду рыбу, режутся в карты и бухают. Молодёжь жарит шашлыки, слушает магнитофонную музыку и играет на гитарах. Знаковое место для каждого коренного купчинца – пруд Кирпичного завода. И зимой там здорово: подлёдная рыбалка, снежные крепости, снеговвики, коньки, хоккей, прочее. Я и сам с Александрой, учась в выпускном классе средней школы, познакомился возле одного из тамошних зимних костров. Хорошие были времена... Берег пруда душевно захламлён различным бытовым мусором? Дно завалено пустыми бутыл-

ками и консервными банками? Что есть, то есть, глупо отрицать. Но это и поправить можно. Типа – прибраться. Было бы желание. Зато обстановка на пустыре всегда была приятельской и доброжелательной. Не считая, конечно, локальных драк. Но мирной была, без пошлости и скотства, честное слово. А сейчас? Э-х-х, непруха...».

Неприятности начались прошлой весной, незадолго до приезда чукотских бастардов.

Неожиданно на перекрёстке Димитрова и Бухарестской – наискосок от магазина «Лента» – появился солидный прямоугольный щит, на котором значилось: – «Строительство офисно-развлекательного Центра. Заказчик – Администрация Фрунзенского района Санкт-Петербурга. Проектировщик – ОАО «Дизайн-сервис». Застройщик – ЗАО «СибирьИнвест». Чуть ниже текста были обозначены сроки начала-завершения строительства и контактные телефоны.

Вот, по этим телефонам тут же и начали звонить обеспокоенные и недовольные граждане, мол: – «Что за дела? Какой ещё, к нехорошей маме, офисно-развлекательный Центр? Совсем обнаглели, морды? Убрать алчные ручонки от общественного достояния! На берегу этого пруда прошла наша молодость, да и юность наших детей. Сегодня внуки постигают там азы жизненной школы... Но пасаран! Да здравствует демократия! Мы будем жаловаться самому Президенту! А когда и где, пардон, пройдут расширенные общественные слушания? Без них, как уверяют по телевизору, сегодня никак нельзя...».

Власти и строители, обещая всякого и разного, отбивались, как могли. Но вскоре на берегу пруда – за информационным щитом – появились люди в тёмно-зелёных рабочих комбинезонах, с геодезическими приборами и полосатыми рейками в руках.

Тут своенравных купчинских обывателей прорвало окончательно. Во-первых, произошло – среди бела дня – наглое нападение на бригаду геодезистов, лазавшую по берегу пруда. В результате короткой стычки дорожный импортный теодолит был утоплен, а двое рабочих жестоко избиты. Во-вторых, было создано и зарегистрировано по всем правилам некоммерческое партнёрство – «Кирпичный завод», которое, обзаведясь фирменными бланками и печатью, начало методично забрасывать все официальные органы Власти, включая Генеральную прокуратуру и Верховный суд, гневными разоблачительными письмами. В-третьих, продвинутая купчинская молодёжь развернула в Интернете активную компанию против строительства Центра под лозунгом: – «Активный отдых на природе – лучше любой модной дискотеки!». В-четвёртых, в конце июля месяца в пруду был обнаружен утопленник мужского пола, искусанный – вдоль и поперёк – острыми зубами неизвестного существа. «Это гадкие строители запустили в водоём хищных южноамериканских пираний», – хмуро шептались между собой местные жители. – «Видимо, хотят навсегда отвести нас от пруда...». В-пятых, начались упорные разговоры про нечистую силу. Мол, рабочие кирпичного завода однажды видели, как восемь гигантских скелетов в лохмотьях, с ржавыми ружьями на плечах, бодро маршировали по утренней водной глади. Да и окрестные собачники, прогуливаясь со своими лохматыми питомцами рядом с прудом, наблюдали – по слухам – нечто аналогичное...

Обеспокоенный Глава районной Администрации, напуганный народным недовольством, поставил тогда перед Толстым бастардом следующую важную задачу, мол: – «Что хочешь, Николай Фёдорович, делай, но приведи ситуацию в божеский вид. Или народ успокой. Или готовь все необходимые документы по заморозке Проекта на неопределённое время...».

Надо отдать Бокию должное – расстарался он по полной программе. Мотался без устали по району и встречался со всеми подряд: со строителями и пенсионерами, со студентами и домохозяйками, с рокерами и автолюбителями. Встречался, уговаривал, интриговал, улыбался и всем что-то обещал, мол: – «Наш Центр будет просторным, многофункциональным и современным, настоящим чудом, короче говоря. Всем в нём выделим помещения, ни про кого не забудем. Откроем целую кучу Клубов по интересам. Всё, понятное дело, включая автостоянку, будет бесплатным...». Соловьём курским заливался. Клятвы клятвенные давал. И, в конечном

итоге, уговорил капризных купчинцев. Уже в августе месяце протестное движение пошло на спад, к концу осени основные проектные работы были завершены, в декабре строители огородили берег пруда высоким длинным забором и затащили внутрь первую строительную бытовку. Казалось, что вопрос со строительством офисно-развлекательного Центра успешно разрешён и закрыт. Но, как водится, только казалось...

Во второй декаде декабря, когда установился крепкий лёд, на пруд, пользуясь тем обстоятельством, что между строительным и заводским заборами наличествовал промежуток, пришли любопытные мальчишки. Зачем пришли? На коньках, например, покататься, в хоккей поиграть. Мало ли дел интересных? Пришли, а весь лёд завален безобразными кровавыми ошмётками. Как потом установили Пашкины эксперты, это неизвестные злодеи безжалостно убили и расчленили с десятка бродячих псов, а образовавшиеся при этом собачьи части беспорядочно разбросали по замёрзшей поверхности пруда. Полыхнул очередной истеричный скандал. В случившемся, естественно, вновь обвинили строителей. Буча тут же возобновилась и вышла на качественно-новый уровень. Ситуация, как бы там ни было, доросла до массового народного митинга и пристального внимания со стороны средств массовой информации. Правда, учитывая долгие новогодние праздники, с небольшой задержкой...

Сомов свернул на улицу Ярослава Гашека и, влившись в плотный людской поток, двинулся к железнодорожной станции «Купчино», соединённой подземными переходами с однойимённой станцией питерского метрополитена.

Он размеренно шагал по тротуару и рассеянно размышлял про себя: – «Многие питерские граждане нынче предпочитают добираться до метро пешком. Уже и три-четыре автобусные остановки не считают за расстояние. Ещё пару лет назад такого не наблюдалось. Пешком ходили только законченные чудаки и чудачки, помешанные на здоровом образе жизни, а все остальные пользовались услугами общественного транспорта. Сейчас ситуация кардинально изменилась. Да и как же иначе? Стоимость проездных билетов дорожает и дорожает, дорожает и дорожает. Причём, гораздо быстрее, чем растут доходы у подавляющей части российского населения. Куда, интересно, смотрит Правительство? Стоимость жизни у нас уже почти как в Европе. А зарплаты и пенсии? Раз в два-три ниже. Бардак, мать их всех, высокопоставленных...».

А почему, собственно, было не поразмышлять? Погода выдалась хорошая, способствующая повышению умственной активности – лёгкий морозец, приятно покалывающий бритые щёки, полное безветрие, с неба медленно падали, слегка кружась, одинокие снежинки. Подчёркиваю, задумчиво падали.

Первым делом, Пашка выслушал развёрнутые доклады постовых, парочками прогуливавшихся по Балканской площади. Потом посетил опорный пункт полиции, расположенный при станции метрополитена, и дополнительно проинструктировал старшего смены. После чего сделал «малый круг» по наиболее значимым объектам. На рынке слегка поболтал с азербайджанскими авторитетами и вездесущей тёткой Зинаидой. Выслушал жалобы и просьбы, исходившие от сторожей платной автостоянки. Прошёлся по этажам Торгового Комплекса «Балканский» и позадал дежурные вопросы молоденьким улыбчивым продавщицам.

Всё – в первом приближении – было в норме. Никакой отрицательной динамики – в плане соблюдения гражданами правопорядка – не наблюдалось...

Сомов, задумчиво поправляя фуражку, вышел из Торгового Комплекса. Рядом с магазином «Паттерсон» располагался – на бронзовой ребристой бочке – памятник бравому солдату Швейку.

«Привет, служивый», – мысленно поздоровался со Швейком Пашка. – «Как она, жизнь? Есть новости?».

Бронзовый солдат, понятное дело, промолчал. Он, чуть заметно улыбаясь, дружелюбно отдавал честь редким прохожим. Служебные обязанности у него были такие.

На правом бронзовом ботинке памятника наблюдалось ярко-жёлтое пятнышко, а на одном из вертикальных рёбер бочонка – чуть заметная вмятина.

«Наши купчинские умники придумали очередную дурацкую примету. Мол, если тщательно потереть указательным пальцем носок правого ботинка Швейка, то, непременно, вскоре улучшится материальное положение семьи. Внеочередная премия, к примеру, свалится в кошелек, или выигрыш в лотерею», – неслышно для прохожих прокомментировал Сомов. – «Вмятина на ребре бронзовой бочки? Рассказывают, что дело было прошлой зимой. Мол, поздним-поздним вечером мимо «Паттерсона» проходила одинокая симпатичная девушка, а за ней побежал гнусный маньяк. Но только ничего у подлеца не получилось, пробегая мимо памятника Швейку, он поскользнулся и – со всей дури – впечатался головой в бочку-постамент. Девчонка, ясен пень, спаслась. Типа – бронзовый солдатик здесь не просто так стоит, а бдительно охраняет покой законопослушных купчинцев. Может, байка. Может, нет...».

Глава пятая

Рыжая красotka, митинг и граната

Сомов, пожелав про себя бронзовому Швейку удачи, отправился к трамвайной остановке. Но, не пройдя и пятидесяти метров, остановился и резко обернулся – справа послышался нарастающий шум мощных автомобильных моторов. Пришлось отпрыгнуть в сторону. Мимо него – солидно и вальяжно, осознавая собственную значимость – проехали два БМВ. Один чёрный, а другой тёмно-бордовый.

«Что ещё за ерунда?», – рассердился Пашка. – «Едут, как ни в чём не бывало, по пешеходной дорожке. А здесь, между прочим, проезд разрешён только по специальным пропускам, выдаваемым работникам Торгового Центра. А номера всех легковых машин, на которые выписаны эти пропуска, я прекрасно помню. Тех, что висят на проехавших БМВ, в перечне не было... Значит, по наглomu нарушаем правила? Ладно, сейчас разберёмся, ребятки...»

Автомобили-нарушители, преодолев порядка ста двадцати метров, остановились возле дверей закусочной, работавшей под известным «куриным» американским брендом. Из чёрного БМВ тут же выбрались два широкоплечих здоровяка, облачённые в тёмные офисные костюмы, и принялись – сквозь чёрные стёкла стильных очков – бдительно оглядываться по сторонам.

«Охранники некой важной персоны», – подходя к закусочной, решил Сомов. – «Понты дешёвые колотят. Зима на дворе, а они в костюмчиках, с пляжными очками на курносых рызанских носках. Смех, да и только. Видимо, их хозяин в юности насмотрелся, меры не зная, голливудских крутых боевиков. Кстати, на входной двери «куриного» заведения висит табличка – «Технологический перерыв». Интересное кино...».

Один из обломов подошёл ко второй машине и предупредительно распахнул переднюю пассажирскую дверку. Из тёмно-бордового БМВ вылез представительный и дорого-упакованный дядечка, правда, не в костюме, а в утеплённой зимней куртке, с пышной ондатровой шапкой на голове.

Пашка, отворачивая в сторону, насторожился: – «Господин Митрофаненко, депутат Государственной Думы от фракции..., а хрен его знает, от какой фракции. Главное, что регулярно мелькает на всех федеральных телевизионных каналах и слывёт записным скандалистом. Мать его депутатскую...».

Честно говоря, в другой обстановке майор Сомов повёл бы себя совершенно иначе. То бишь, не обращая ни малейшего внимания на высокий общественный статус фигуранта, подошёл бы и устроил небольшой спектакль, причём, по давно проверенному и отработанному сценарию. Во-первых, представился бы – вежливо, добродушно улыбаясь. Во-вторых, сообщил бы о допущенных нарушениях. В-третьих, обратил бы внимание на многочисленные видеокамеры, размещённые на стенах Торгового Центра. В-четвёртых, признался бы по-честному, что является активным и продвинутым пользователем Интернета. В-пятых, посоветовал бы покинуть пешеходную зону и припарковаться на платной автостоянке. В-шестых, отвёл бы на выполнение «в-пятых» ровно три минуты...

И такой неординарный подход срабатывал, причём, всегда. И местные толстощёкие депутаты, и напыщенные крутые бизнесмены, и хмурые бандитствующие личности, одарив принципиального майора злобными взглядами, рассаживались по навороченным тачкам и, презрительно плюясь из приоткрытых автомобильных окошек, покорно уезжали.

Но, на этот раз, ситуация была другой. Генерал-лейтенант Тургаев чётко выразился, мол: – «Не всё так просто с этим грядущим митингом. Из Москвы белокаменной – с час назад – прикатила целая делегация. И депутаты Государственной Думы числятся в её составе...». В том, что скандально-известный депутат Митрофаненко входит в состав упомянутой делегации,

никаких сомнений не было. Не верил Пашка в такие совпадение... Следовательно, что? Следовательно, неплохо было бы выяснить, с кем данный широко-известный депутат захотел – незадолго до начала митинга – встретиться в неприметной купчинской закуской.

Зачем это понадобилось Сомову? Да, чисто на всякий пожарный случай. Вдруг – что? Плюс, подозрительный внутренний голос упрямо нашептывал, мол: – «Неспроста это, Пашенька. Поверь мне, неспроста...».

Природный инстинкт сыщика, мои уважаемые читатели и читательницы, великая сила...

Обойдя здание с торца, Сомов подошёл к задней двери закуской и, ехидно усмехнувшись, постучался условным стуком: – «Тук-тук. Тук-тук-тук. Тук-тук».

– Кто там безобразит? – секунд через двенадцать-пятнадцать, с заметным грузинским акцентом, спросили из-за двери. – Чего надо?

– Горького французского шоколада. Открывай, Гиви.

– Господин майор? Ты?

– Я, кацо, не сомневайся. Полноправный хозяин здешних мест.

– Здравсьте, уважаемый. Долгих лет и много денег. Но... Извини, Павел Сергеевич, но отворить не могу. Не велено...

– Сейчас вызову своих широкоплечих орлов и велю выломать дверь, – пообещал Пашка. – Устроим активный шмон по полной программе. Например, на предмет поиска наркотиков.

Глухо щёлкнул замок, дверь слегка приоткрылась, и из-за дверного полотна боязливо высунулся вислый, печальный до полной невозможности носяра.

– Зачем ты так, батано Павел Сергеевич? – вкрадчиво поинтересовался обладатель приметного носа. – У нас приличное и правильное заведение. Нет здесь никакой наркоты. Да и не было никогда... Зачем наезжаешь, господин начальник?

– Затем, что так надо. Острая служебная необходимость. Взгляну только краем глаза на вашего высокого гостя, и всё. От него, чай, не убудет. Да и господин Гоголава, честное слово, не рассердится. Я с ним, толстопузым, потом объяснюсь.

– У нас нынче новый хозяин. Вернее, хозяйка.

– Серьёзно? – искренне удивился Сомов. – А почему я про это ничего не знаю?

– Неделю назад всё случилось. А ты, Сергеич, мужик занятой. Рабочая рутина заела. Важных и неотложных дел невпроворот...

– Хвать, кацо, разводить гнилую философию. Не поможет. Или же мне надлежит вспомнить о твоих старых грешках?

– Не надо вспоминать, батано. Ни к чему. Заходи. Только медленно пойдём. Старческая подагра замучила.

Первым шагал, неуклюже переставляя ноги циркулем, пожилой Гиви, занимавший в заведении – уже на протяжении многих-многих лет – должность дневного администратора. Пашка шёл следом.

Узкий плохо-освещённый коридор, стандартное кухонное помещение, новый коридор, поворот.

– Пришли, – указывая корявым пальцем на серую узкую дверку, сообщил грузин. – Подожди, уважаемый. Я сам приоткрою. Чтобы дверные петли не заскрипели... Вот, щелка образовалась. Ваш господин болтает с нашей хозяйкой. Наблюдай, Сергеич, сколько душе угодно. Не буду мешать серьёзному человеку...

Зал закуской был достаточно просторным – ориентировочно на сорок столиков – и вполне мог претендовать на гордое звание «ресторанный», если бы не отсутствие полноценных скатертей. Так, лишь какие-то разноцветные пластиковые прямоугольники. Не серьёзно. Да и откровенно «дачные» пластиковые стулья следовало бы заменить на более стильные.

Два депутатских охранника-облома бдительно замерли возле входной двери. Один тупо пялился в окно. А второй – не менее тупо – в работающий телевизор, установленный на длин-

ной барной стойке. По телевизору на вежливые вопросы журналистов из «кремлёвского пула» отвечал российский Президент. Уверенно так отвечал, со знанием дела. То бишь, увлечённо вещал о необходимости беспощадной борьбы с коррупцией.

«Болтать, как известно, не мешки с цементом ворочать», – усмехнулся про себя Пашка. – «А настоящая, то есть, эффективная борьба – с кем бы то ни было – обеспечивается скрытностью и внезапностью. Школьная аксиома, не требующая доказательств. Подобрались тихо-нечко и скрытно к супостатам, окружили и – по условному сигналу «три зелёных свистка» – набросились. То бишь, дружно навалились, растоптали и повязали. А ещё лучше, так его и растак, придушили. Типа – без суда и следствия, по законам сурового военного времени. Вот, такую «борьбу» я понимаю и приветствую. Жёсткую и взрослую. Без слюнявых и расплывчатых либеральных затей...».

Посетителей в зале не было. Только за дальним – относительно входной двери – столиком обнаружили мужчину и женщина: вальяжный депутат Митрофаненко и...

«Ни фиги же себе!», – мысленно присвистнул Сомов. – «Ай, да фефёла! Упасть и не встать! Кто такая? Почему не знаю? И не молоденькая уже, наверное, в районе тридцати пяти, но стильная – до полного умопомрачения и нервной дрожи в коленках. Идеальная осанка, длинная-длинная шея, огненно-рыжие волосы. Жаль, что ног толком не рассмотреть. Но и то, что видно, уже внушает... А какие, блин горелый, глаза! Слегка вытянутые, миндалевидные, волшебного нежно-аметистового цвета. Прямо как у трепетных горных лам, обитающих в загадочных чилийских Кордельерах. По крайней мере, так принято выражаться в толстых авантюрно-приключенческих романах... Да, такие глаза могут свести с ума кого угодно. И сопливых пацанов, и седобородых старцев, и многоликих депутатов Государственной Думы...».

Митрофаненко и неизвестная красавица, мило и многообещающе улыбаясь друг другу, о чём-то заинтересованно ворковали. На их столике стояла высокая бутылка тёмно-синего стекла и два пузатых фужера, заполненных на одну треть жидкостью цвета благородного прибалтийского янтаря.

– Что такое? – позабыв про телевизионный экран с говорливым российским Президентом, насторожился один из депутатских телохранителей. – Чувствуешь?

– Ага, лёгкий ветерок, которого раньше не было, – отойдя от окна, подтвердил его напарник. – Непонятный и подозрительный сквознячок образовался. Надо бы проверить...

Пашка благоразумно прикрыл дверку и тихонько прошептал:

– Ладно, потом разберёмся с этим загадочным моментом. Когда свободного времени будет побольше. Установим личность рыжеволосой наяды. Подробно ознакомимся – по всевозможным каналам – с её жизненной биографией. Глядишь, всё и прояснится. Может быть...

Он, выкурив по дороге дежурную сигаретку, подошёл к остановке и забрался в трамвай «двадцать пятого» маршрута, отстаивающийся на «кольце».

Время было рабочее, но, несмотря на это, народа в вагон набилось прилично – уже все сидячие места были заняты, да и в проходах – плотненько – стояли пассажиры.

– Проходим, товарищ, в салон! – раздался с улицы звонкий девичий голосок. – Не создавайте затор на входе! Поимейте совесть! Все хотят попасть на митинг!

– Алиска, это мент. Я знаю, – вмешался ломкий юношеский басок. – Оно нам надо? Пошли, сядем через другую дверь...

«Я же сегодня в форме», – вспомнил Пашка. – «В том плане, что в «зимней полевой». Если, конечно, это долбанное паскудство так можно назвать. Пятнистая куртка на китайском тоненьком синтепоне, с майорскими погонами. Такую и стирать страшно, того и гляди – разойдётся по швам. Приходится сдавать в химчистку. Бесформенные штаны – из той же гадкой и несмешной оперы. Хочешь, не хочешь, но поддеваешь под форму тёплое бельё финского

производства. Модельеры хреновы. Про ботинки, вообще, ничего говорить не хочу. Дерьмо редкостное и уродливое...».

Трамвай тронулся и, проехав с километр по улице Ярослава Гашека, остановился – перед поворотом на Купчинскую – напротив «Двух капитанов». В вагон, отчаянно работая локтями, просочилась очередная порция пассажиров.

– Пока двери не закроются – дальше не поеду! – злорадно хмыкнув, объявил простуженный голос вагоновожатого. – Трамбуйте, земляки! Активней, мать вашу, трамбуйте!

Следующая остановка, ещё одна. Свернув на улицу Димитрова, трамвай остановился. Начался очередной пассажирский штурм.

– Да, вы совсем обленились, как я посмотрю! – возмутился вагоновожатый. – До вашего дурацкого митинга, земляки, рукой подать. И пешочком могли бы – по свежему зимнему воздуху – прогуляться. Или, на худой конец, дожидаться следующего состава, если ноги больные... Ну-ка, отошли от трамвая, вашу мать! Кому, блин, сказано?

«Хреновые, тревожные и дурно-пахнущие дела», – всерьёз запечалился Сомов. – «Митинговая заявка была оформлена на полторы тысячи человек? Ну-ну. Позвольте не поверить...».

Наконец, доехали до перекрёстка Димитрова и Бухарестской. Практически все пассажиры – дружно и весело – покинули трамвай.

Вокруг былолюдно и очень шумно. Температура окружающего воздуха вплотную приблизилась к нулевой отметке. С блёкло-серого зимнего неба продолжали падать одиночные снежинки – неправдоподобно-большие, лохматые и разлапистые.

Вся обочина (и частично тротуары), была плотно заставлена разномастным автотранспортом. Где-то вовсю, позабыв про реалии, тенденции и модные тренды двадцать первого века, наяривала разухабистая гармошка, и скрипучий старушечий голос самозабвенно орал матерные частушки. С другой стороны доносился-долетал магнитофонный «Интернационал»: – «Вставай, проклятьем заклеимённый, весь мир голодных и рабов...».

Тёмно-синий забор – по прямому и строгому указанию Главы администрации Фрунзенского района – был заранее демонтирован и сложен аккуратными высокими стопками на берегу злосчастного пруда. А рядом со скромным строительным вагончиком гордо и независимо возвышалась солидная трибуна, сколоченная – со знанием дела – из толстых сосновых досок.

– Настоящее чудо современной архитектуры! – восторженно объявил дедок бомжеватого вида, шагавший рядом с Пашкой. – А как приятно пахнет свежей сосновой стружкой! Прелесть! Правда, майор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.